Крестьянские мемуары

Андрей Васильевич Шайкин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

А.В. Шайкин (1900-1998) родился в середняцкой крестьянской семье в селе Малая Сердоба Пензенской области (на снимке с дочерью Татьяной Андреевной, участницей Великой Отечественной войны). Окончил три класса местной земской школы. Участник Гражданской войны с 1919 по 1921 годы, свидетель коллективизации, участник Великой Отечественной войны в 1941 и 1945 годах. В 1942-1944 находился в плену. Воспоминания написаны в 1987-90 годах. Он дал им название "Не забывать историю и наших предков".

- Не забывать историю и наших предков

Не забывать историю и наших предков

Где у нас были господа? Барин в селе Огаревке, в селе Марьевка – барин Салов; где поселок Алексеевский, – Юматов; в Трескине было 2 барина; в “Пятилетке” был барин; село Круглое – барыня; в селе Камышинке – Гагарин; в селе Екатериновке, около Жуковки, был барин Устинов. И вот нашим предкам пришлось сделать 4 поселка (для защиты от помещиков): первый – село Липовка. И наделили переселенцев землей как положено и дали леса в Орешкином углу. Основали село Шингал – дали земли и леса в отроге. Основали село Турзовку – дали земли и леса. Основали село Асмётовку: наделили землей и дали леса на Воробьевой Поляне; его так и называют – Асметовский лес. А земля наша уходила за эти села на 6 и 8 километров. Старики боялись, что барин может отнять землю, вот и заселяли дальние поля.

Когда Сердоба основалась? Мне говорили отец и дедушка, что она начинала строится на Горах, около леса – место называется Кирпичиха. Первая церковь была в лесу. Была сделана крепость из леса и камней. На первых поселенцев нападали крымские татары, но они их отбили и отогнали.Одна из улиц на горах называется Драгунка, на ней стоял драгунский полк. Мне говорили старики, что когда Сердоба начинала строиться, царь Петр Первый послал стрелецкий полк для заселения. У нас в селе есть и фамилия Стрельниковы.

С Гор наш прапрадедушка Панфер первым перешел вниз и поселился около водотока – Ерика, на границе Кузнецовки и Тюнбая, ему понравилось это место. И задумал он рассадить сад плодовый. Посадил 100 деревьев – яблони, вишня, калина, малина, крыжовник, прорыл водоток, и ерик побежал прямиком в реку. А то тек вдоль реки, по задам и выходил устьем около дома Федьки Мочалова. Когда дедушка Панфёр прорыл ерик и сделал мосточик, люди назвали его мосток Дужниковым, по уличному прозвищу дедушки, потому что он гнул дуги. В это время на месте, где дедушка построился, еще не было никакой улицы: ни Шимровки, ни Кузнецовки, ни Тюнбая.

От прапрадеда Панфера народились сын Егор и дочь Мария и три дочери – Акулина, Анна, Васена. От прадедушки Егора

народились два сына, обоих назвали Иванами. От большака Ивана народились три дочери – Александра, Акулина и Арина. От малого Ивана народились два сына – Василий, Федор и три дочери – Дарья, Мария, Евдокия от первой жены (первая жена была в девичестве Барахтина). Он овдовел, женился вторично на шингальской, звали ее Агафья, от неё были девки Матрёна и Прасковья.

От сына Фёдора народились два сына – Иван и Василий; их обоих убили в эту (Великую Отечественную) войну; и народилась дочь Мария. От сына Василия народились Андрей (то есть я) и Степан, а также дочь Анна. И вот теперь мне 90 годов, а Степану 85.

Мне говорили отец и дедушка: когда строились внизу, была очень “жидкая” земля – трясина. Сохи зарывать для сарая нельзя – все уйдут в землю. Они нашли такой выход из положения: сперва ставили плашмя каркас из четырёх бревён, потом вдабливали в него сохи и ставили, а под каркас клали обрезки и камни.

Когда наши предки строились, тут была “тайга”, разбойники были, дичь, даже медведи и всякие иные звери. И вот Пётр Первый заселил это место. В это время на наших сердобинских землях захотел поселиться барин. Одно из мест так теперь и называется – Барская лука: за Песчанкой, против правления колхоза имени Ворошилова. А строиться барин решил по этот берег Песчанки. Навозили его крестьяне строительного материала, поставили срубы, а наши предки всё у него развалили. Он опять построил – они опять разнесли в прах. И совсем его выгнали. И он, наверно, понял – тут не жить, и больше не приехал.

Итак, мы были не барские, землю делили по душам, а лес “по домам”, на двор. Но была казёнщина царская. Мы делили землю на души только на мужчин, на женщин не разрешали. И из Старого Славкина тоже барина прогнали, там тоже крестьяне были свободными, как и мы. А кругом были господа, баре. Когда наступила революция 1917 года, Ленин приказал разделить землю барскую, отдать крестьянам без всякого выкупа. Стали делить по приказу Ленина на мужчин и женщин поровну. Мы тоже переделили землю, дали и женщинам. Если, допустим, она выходит замуж, отец невесты отдаёт землю ей же.

Наши предки воевали. Прадедушка Егор – с Наполеоном, а его шурин, прозвали его Кавказским Иваном, воевал с Японией, брал Порт-Артур. Прадедушка Панфёр воевал с турками, выгонял их из Крыма. А еще раньше наши предки воевали с монголами, они дрались за Родину до последней капли крови, за Россию и за

своё поколение, большое им спасибо и никак не надо их забывать. Вечная им память и царство небесное!

У прапрадеда Панфёра народились сын Егор и дочь Мария. У Егора народились два сына - Иван Большак и Иван Малый да три дочери - Акулина, Анна и Васёна. Жена (у Панфёра?) была Федосья из рода Якшамовых. У большака Ивана родились три дочери: Александра-большуха, Акулина и Арина. У малого Ивана народились два сына - Василий и Фёдор и дочери Дарья, Мария и Евдокия. Это от первой жены, от Барахтиной. А от второй жены, Агафьи, - она была шингальской (из соседнего села Шингал) - родились дочери Матрёна и Прасковья. Семья была большая, 16 человек, и все слушались одного Панфёра. Пахали они сохами, борона была деревянная, только зубья железные, большинство рожь жало серпами, только справные (богатые) косили косами. Молотили цепами. Дедушка Панфёр и обе его жены похоронены на старом кладбище. Царство им небесное!

После смерти дедушки Панфёра надумали братья делиться. Это было в 1895 году. Большака Ивана поместили кряду (рядом), а малый Иван остался жить вместе с отцом Егором. Они поделили имение на три части, одну треть получил Иван большак, а две трети Иван малый с отцом. Отец взял такую же часть, как и сыновья. Сообща сделали большаку дом. Еще большаку досталось по разделу взрослая лошадь, конь-трехлеток, 2 коровы, 20 овец, амбар сосновый, а Малому с отцом - 4 лошади, 4 коровы, 40 овец, другой амбар сосновый и еще небольшой амбар. Сад яблоневый разделили так: большаку оставили 30 деревьев, а малому с отцом - 70. Прадедушка Егор жил на огороде, у него была там маленькая избушка. Они были тружениками, очень заботливыми, работали по 16 часов в сутки, ходили в лаптях, сапоги надевали только по праздникам. Рубахи и портки носили самотканные - бабы пряли из конопли и сами ткали. Лошади стояли в конюшнях, а коров на зиму пускали в избу для дойки. Объягнившихся овец также пускали в избу и держали в избе, пока ягнята маленькие.

Дедушка Панфёр прожил 92 года, а дедушка Егор - 86 годов. Никто в нашем роду не курил, водку пили только на свадьбах и в другие большие праздники. Но сильно не напивались. Бога признавали и были очень добрыми, справедливыми и честными, чужого не возьмут. Помимо хлеборобства, занимались ремеслами: гнули дуги и коромысла. По зимам со всей волости к ним приезжали дуги и коромысла покупать.

В 1905 году дедушка Иван Малый ездил в Золотое, в питомник около села Лопатино, купил 100 деревьев яблонь себе и большаку, и стало в двух дворах 200 яблонь. С ним же ездили шабры (соседи) Родионычев Василий и Шимрин Иван Алимыч,

которые тоже привезли по 100 черенков яблонь. Яблони поливали два раза в год: весной - чтобы яблоки росли крупные и чистые и сентябре - чтобы почва нагуляла. У них была плотина на ерике, и от нее они пускали воду по саду, по канавам, по которым вода по всему саду расходилась. Весной и осенью яблони окапывали. Траву в саду косили три раза за лето.

В году 1906-м или седьмом, до войны 1914 года, начал у нас Столыпин нарезать земельные участки каждому, кто пожелает. Добровольно, навечно, но против желания общества, народа. У нас в крестьянском обществе земли причиталось на душу, на мужчину, 3 десятины. У нас было 3 поля – яровое, ржаное и пар. А Столыпин стал нарезать на душу больше, по категориям, хорошей земли – в 2 раза больше, чем было принято в обществе, а если земля плохая - в 3 раза больше нарезал на душу. Ему (Столыпину) народ говорит: “Нарезай по-нашему, сколько мы нарезаем на душу. Нарезай (не ближние земли), а от границы Асметовки, от Липовки”. Потому что туда никто не шел. Но Столыпин делал все против воли народа. Почему он нарушал правила народа, больше давал земли а счет общины?

Добросовестные, совестливые не шли в вечники ни в какую, а некоторые нахалы стали одобрять реформу. И Столыпин начал нарезать им земли около реки Сердобы, по реке Саполге, где у нас, у колхоза имени Ворошилова, была недавно ферма животноводческая - в яме, не доходя до Богомольного родника. Первыми сели Карякины, Михеевы по-уличному, – на горе, около леса, вдоль речки, вблизи Сердобы. Второй дом был поставлен в конце Емельянова оврага, на горе, около леса. Дальше построился Потапов Федор, на расстоянии 1 S километра также на горе, около леса. Дальше построился Лялягины – на горе, на краю леса, расстояние такое же друг от друга. Дальше построился Захарышкин (по-уличному), на горе, на краю леса, расстояние такое же друг от друга. Дальше построился (фамилия неразборчиво) – тоже на горе, на краю леса, вдоль реки.

Дальше поселились вдоль Елшанки, поворотя вдоль Елшанки два дома – фамилию хозяев забыл, на горе, около леса, отрезав речку Саполгу от общества-народа общинных земель. Еще лучше! Еще построили два дома - один у реки Сердобы, в 2-х километрах от Малой Сердобы, другой – по реке Саполге – отец Журлова Ивана. Иван Журлов еще жив, мы его называли Деверь, ему тогда было 12 годов, молодой был.

Потом было разрешение – можно продавать навечно землю, душевые наделы. Платили дорого, я забыл цену. Иной человек пьяница, продаст землю душевую навечно и пропьет, а дети и жена нищими остались навечно. Разве это законно? Очень

неправильно. Но некоторые накупили земли, таким давали кредиты, нарезали на Гремячке - овраге на реке Саполге, - давали на душу 3 десятины. Мне запомнилось: Никита Потапов накупил землю. Навечно. Их два старика, детей не было, очень были жадные, о смерти не думали. А пришлось помереть страшно. Никиту раскулачили и выгнали из Сердобы. Он уехал в Энгельс, в Саратов, и там извозничал на лошади. Зимой поехал из Энгельса в Саратов через Волгу, а в одном месте не замерзла вода. Он туда и заехал на плавню и утонул вместе с лошадью. Вот и отжил! А навечно покупал землю. Его Бог наказал.

Начал Столыпин нарезать и вдоль речки Сердобы земли вечникам. Были вдоль речки луга до Панкратовки. Первыми там сели Овражновы, и дальше стали селиться. Реку отшибли от общества. Еще поселились два дома на Иткаринской дороге, от Песчанки недалеко. Один дом был – Тихоновы, а другой чей – забыл. Воры заехали к Тихоновым, постучались в дом, в дверь. Старик вышел. Они сказали: “Укажи нам дорогу!” Они его сразу убили и зашли в дом. Старуху и сноху Дарью привязали веревкой, а мальчик Гриша залез в шесток, ему было восемь годов. Большак сын был на войне 1914 года. Грабители все в дому ограбили, все забрали и уехали. После этого Тихоновы сразу сломали дом и перевезли в Сердобу.

Вот теперь оценку делай Столыпину. Земля была наша, народная, нам ее прадеды отвоевали, барина прогнали, а он приехал, стал командовать нашей землей, хозяйничать. Почему он не отрезалу помещиков, у Гагарина, у Устинова, у Салова, у Юматова и у других? А к нам приехал, крестьянам, и стал мутить народ, общество, делал вражду в народе. Народ очень озлобился. Чтобы друг с другом передрались? И побили бы многих. Если бы не революция 1917 года, Октябрьская революция, у нас была бы резня. Разве можно около реки Сердобы все заселять и воду отрезать, водопои? Мы бы и без Столыпина могли приблизить дальние земли от межи: поселили бы там поселки. Вот приблизили же наши старики дальние земли: 4 выселка сделали: Асметовку, Турзовку, Липовку и Шингал. Дали переселенцам землю как положено, поровну и лес дали. А Столыпин, стал больше давать земли на душу. Половине Сердобы не хватило бы земли. Тогда, что же, иди безземельные куда хочешь, на 4 стороны. Это тоже как раскулачивание.

После революции вечники все разбежались. А которые в Сердобе остались, их раскулачили, и многие смотались в города.

Столыпин неправильно делал. Вот его и убили (в) 1916 году. Мне отец рассказывал – он служил в Киеве. Зашел человек к Столыпину в кабинет и застрелил в упор. Наверное за то, что

насолил всему народу. Некоторые сегодня его хвалят: он-де правильно делал. Я это слышал по радио. Но это неправильно.

***

Я, Шайкин Андрей Васильевич, родился в 1900 году 16 октября. Вот прохождение моей жизни-истории. В 1905 году мне было 5 годов. Была в Сердобе забастовка в сентябре месяце. Была ярмарка. Вот ярмарку мужики разбили, разграбили, пошли в Сердобу разбивать винополку с вином. Стражники, казаки, чуть помню, скакали с моста, не могли с ними справиться – народу было очень много, и все вооружены, кто чем. Казаки отступили и ускакали. Бунтовщики, на мой взгляд, поступали неправильно. В доверие к крестьянам пролезли эсеры и командовали, чтобы опорочить социал-демократическую партию. Нам рассказывал Гудков Кузьма Калентьевич, он был революционером, что они, революционеры, собирались по ночам на Зотовой горе тайно. Вот к нам в Сердобу (рассказывал Гудков) пробрались эсеры в социал-демократическую партию и нам предложили выйти разбивать ярмарку и у богатых мужиков зажигать гумна, а хлеб – у тружеников. Вредили. После мы догадались: они направляли нас на это дело, чтобы нашу социал-демократическую партию опозорить. Мы их, эсеров, всех выгнали (в годы Гражданской войны).

Пошел я в школу, мне было 8 годов. Учился очень хорошо, сдал испытания на похвальный лист. Учился в школе 3 года. Дедушка Иван сказал отцу: “Андрею хватит учиться, надо работать”. И вот начал я пасти лошадей, ездить в ночное, пахать, бороновать. В 1914 году началась война с Германией, отца и дядю взяли на войну. Дома остались старики, бабы и малыши. Мобилизовали часть лошадей. А дедушка Иван посев не убавлял: 10 десятин в каждом поле – яровом, озимом и пар, всего – 30 десятин. А убирали все вручную: жали, молотили цепами. Жали бабы и подростки: я начал жать и косить, когда мне исполнилось 14 лет. Было очень трудно.

У нашего отца Василия Ивановича было два сына: я и Степан. И у дяди Феди было два сына - Иван и Василий и дочь Мария. В 1914 году отец и дядя Федя ушли на войну. Отец служил до 1917 года, а дядя вернулся в 1916 году - был ранен в руку. Его отпустили из госпиталя в Самаре на полтора месяца домой. И он просрочил отпуск на два дня. И вот в декабре молотим мы в риге - дедушка, дядя и я. Мать, тетка - жена дяди Феди и мой младший

брат Степан ворочали снопы. Часов в 11 к риге подъехал на лошади, в санках урядник Иван Петрович. Вошел в ригу, поздоровался и спрашивает дядю:

- Вы Шайкин Федор Иванович? Вы дезертир.

- Да, я просрочил два дня, но завтра поеду в часть.

- Вы должны поехать со мной, мы вас отправим этапом на фронт.

- Какой хозяин нашелся! Я и сам дорогу в часть знаю. Не поеду под конвоем!

Тогда урядник вынул шашку и стал ею угрожать. Но налетела коса на камень. Дядя бросил цеп и схватился за шашку урядника. Началась борьба, нам со стороны страшно было на нее глядеть. Дядя его осиляет, уже выволок урядника из риги и борются около ерика, а там овраг, дядя пятит урядника к оврагу и ругается:

- Красномордый! Напился крови крестьянской! Я два года провоевал, теперь иди ты повоюй!

Урядник видит, дело плохо - овраг рядом, оттолкнул дядю и к санкам. Сел и поскакал. Дядя говорит: "Если бы я у него шашку вырвал, я бы его зарубил". Быстро убежал на гору Порт-Артур, скрывался у тетки Дуни, у сестры своей, а потом в шабрах (у соседей). И так дотянул до Февральской революции 1917 года. А как дядя убежал на Порт-Артур, к нам заявились казаки, человек 15, урядник с ними верхом. Забежал в ригу:

- Старик, где буян?

- Не знаю, говорил, пойдет в город.

Казаки стали искать, тыкать пиками в солому. Везде искали. А дома крик, свиньи визжат, куры кудахчат. Взяли у нас казаки 3 овцы, свинью на 4 пуда и кур голов 15 - проголодались! Вели себя как бандиты. Вот за это мы их и выгнали из России в Гражданскую войну.

В 1918 года наша семья надумала делиться. Тоже на три части: моему отцу Василию Ивановичу дали 1 лошадь и жеребенка-двухлетка, 2 коровы, 15 овец, дяде Феде дали лошадь и коня-двухлетка, 2 коровы, 15 овец и старую избу в четыре стены. Дедушке Ивану дали лошадь, корову, 5 овец. Изба у него была на огороде и там же небольшой дубовый амбар. Сад он никому не отдал, все 200 деревьев себе взял, также росли в саду вишня, слива, смородина, крыжовник, малина. Большая рига досталась нам с отцом, она у речки стояла. И дяде Феде построили ригу тоже у самой речки. И дедушке сделали небольшую ригу, поставили ее в конце сада. Делали всё вместе. Мы с отцом построили свою избу, выдвинув ее вперед, всё казалось, что мало у нас позьма.

В 1918 году меня взяли на Гражданскую войну. Когда

Красная гвардия не справилась с белыми, Ленин отдал приказ: нужно создать регулярную армию. Её создали в 1918 году 23 февраля. И вот меня забрали 15 июня 1918 года. Учили нас в Петровске, нас было 11 тысяч. Там стояли бараки, их сделали протяженностью в 4 квартала. Как едешь от Малой Сердобы к Петровску – от дороги и до леса стояли бараки. Мы тогда были Саратовской губернии Петровского уезда Малосердобинской волости. Дядю Федора назначили как революционера каптенармусом над всем военным лагерем в Петровске.

Из Петровска отправляли на фронт против Колчака, к Чапаеву, сначала солдат постарше. В 1919 году было очень тяжело Советской власти, нас окружили со всех сторон: Колчак с востока, генерал Юденич шел на Петроград, на юге был генерал Деникин, который Кавказ забрал и подошёл к Волге, к Царицыну, отрезая нефть на Кавказе. А тогда была нефть только в Баку.

В 1919 году нас осталось в Петровске 3500 солдат. И вот дошла очередь до нас. Нас направили на юг, на Деникина. Только остался в Петровске хозвзвод, конюха, которые убирали лошадей. В 1919 году в августе месяце мы поехали из Петровска, эшелон за эшелоном. Мы ехали на помощь 34-й дивизии, к Кирову Сергею Мироновичу, в нашей команде – 200 солдат. Дивизия стояла в Астрахани. Доехали мы до станции Красный Кут. По приказу с Красного Кута поворотили на Чёрный Яр. Подехали к станции, к Волге, в тупик, стали перебираться на паромах через Волгу в Чёрный Яр, который на том берегу Волги. Перебрались, когда 34-я дивизия пришла в Чёрный Яр. Началось распределение по полкам, ротам и взводам. В наш 305-й полк попало много сердобинских. Едва успели распределить людей, как на нас напала кавалерия генерала Шкуро. Здесь произошло мое боевое крещение – страшный был бой, смертельный. У нас силы было мало, а у Шкуро больше. Мы устояли только благодаря тому, что перед нашими окопами стояло проволочное укрепление – 16 рядов. Потом нам дали в подкрепление две дивизии – 7-ю кавалерийскую и Дикую дивизию. Дали приказ перейти в контрнаступление. Накануне нам сообщили, что Ленин сказал речь: вы пошли в контрнаступление, это очень верно; нас кругом душат; только не забывайте: наша армия не карательная, а освободительная, и вы народ не обижайте. Если ты голоден (говорил Ленин) – спроси хлеба, если в селе остался священник – пусть служит, советую – сходи в церковь, это будет очень хорошо. Почему он нам так советовал? Дело в том, что, когда перед нами Красная гвардия дошла до Черного моря, а потом их погнали казаки, красногвардейцы там стали безобразничать, отбирать имущество. Я после узнал об этом, когда мы проходили теми же

местами.

Не могу точно сказать, сколько верст от Черного Яра до Царицына, мне кажется – 90. Мы пошли в наступление (дата неразборчиво) октября 1919 года. А в Царицын пришли 1 января 1920 года. Два с половиной месяца шли до Царицына. Проходили мы села Салдники, Вязовку и другие. Бои очень сильные были. Враг никак не хотел отступать, тяжело нам было на этом фронте, трудно разбить белых. 40 тысяч легло нашего брата. Шкуро и Деникину не хотелось отступать, но пришлось. Помог Буденный. Он пришел от Камышина. В помощь Буденному 1500 бойцов добавили наших, саратовских.

Когда мы пришли на станцию Царицын, около Мамаева кургана, главное командование отдало нам приказ преследовать белых. На юг мы шли по Сальским степям. Буденный – впереди, он захватывал железнодорожные станции, и с нами связь держал, а мы – за ним. Так прошли мы Донскую область и вышли в Ставропольскую область, потом опять в Донскую. Вышли мы на станцию Торговую – ее сейчас называют Сальск. Вот здесь и столпилось много войска: части Буденного, кавалерийский отряд Курышкина и наша 34-я дивизия. Задумали кадеты разбить нас, оставили на Торговой 100 офицеров, а основные их силы как бы отступили. И вот нас разбили по квартирам. У нас в дому очень много солдат, полная изба набита. Ночью все спали, а мы с Бочкаревым не спали. Чуяло сердце! Что снаружи творится? Мы с ним все же решили выйти. Насилу прошли: в избе подряд лежали бойцы. Когда вышли к забору, слышим, началась стрельба. Не поймем, что творится. Бочкарев закурил. По улице ехал разведчик, и к нам: “Дай закурить!” Я его спросил: “Что творится?” Он говорит: “Белые сделали засаду, а сами пошли в контрнаступление. У нас вся кавалерия выступила им навстречу. У нас много кавалерии, и мы белую атаку отбили, они прогадали”.

Противник отступил, а поутру всю станцию оцепили и пошла повальная проверка. Наловили 87 офицеров, кадетов, которые в наших часовых стреляли в эту ночь. Мы наутро пошли дальше в наступление, а с офицерами расправилась чека.

Когда вышли, кто-то сказал: “Погодите, сейчас поедет Буденный!” Так пришлось мне его увидеть случайно. Герой был, ему в это время было 35 годов, а мне – 20. Шел эскадрон, кони белые, музыка с коней играла очень хорошо, кони плясали.

Буденный пошел на Ростов, а мы пошли на Азов, левее Ростова. Мы прошли Песчанск, Белоглинск, Покровку и вышли в балку. Тут наша кавалерия перерезала железнодорожный путь, в нашем расположении оказался белый бронепоезд. Наша рота его

оцепила, он сильно отстреливался из пулеметов и орудий. Пришлось ждать, пока у него патроны и снаряды кончатся. Тогда мы его взяли в плен.

Выйдя в балку, мы поворотили на Тихорецк. Оказалось, под Тихорецком белые сосредоточили очень много войск. И вот нас против них направили. И мы там сразились. Из всех боев был бой! За один день Тихорецк 7 раз переходил из рук в руки. К вечеру мы их одолели, забрали Тихорецк полностью и пошли дальше, преследуя белых.

Мы наступали левее Краснодара, тогда его называли Екатеринославом, по царице Екатерине. Вышли мы в Терскую область, около Новороссийска. Вот тут и конец наступил Деникину, всех мы разбили. Те, что поумнее, уехали с Деникиным за границу, остальных мы забрали в плен. Нам помогала в этом зеленая армия – дезертиры собрались в горах и тоже наступали на белых. Так мы белых окружили и разбили.

Я и Иван Журлов заболели тифом, и нас отправили на станцию Торговую в лазарет. Лазареты располагались в избах, которые оказались без хозяев, в школах и учреждениях. Больные лежали на полу, на тряпье, вши заедали. Каждый день возили на кладбище мертвых. Говорили, что умерло до 13 тысяч человек. Здесь мы встретили земляка Пчелинцева Евдокима Васильевича, с моего года рождения, поступившего в лазарет прежде нас. Мы стали поправляться.

Как-то Евдокин пошел на станцию: “Может, увижу кого сердобинских!” И там прозяб, получил возвратный тиф и помер. Его зарыли на станции Торговой. А мы выздоровели с Журловым. Нас распределили по квартирам, во времянки. Мы в печке жарили гимнастерки, уничтожая вошь. Однажды Журлов пошел с казаком кубанцем в село. Казак перешел к нам, красным, служил у Буденного, жил он в соседней времянке. В селе набирали добровольцев, 2 эскадрона, на басмачей. Журлов и кубанец записались добровольцами. А басмачей было 12 тысяч и больше. Там наших порубили много около Бухары.

Журлов вернулся и говорит: “Шайкин, иди в канцелярию и тоже запишись”. Я ему сказал: “Не пойду. Буду ждать комиссию. Туда в Бухару сколько нашего брата угнали, и всех порубили как капусту. Выпишись, я тебе советую”. А он мне говорит: “Все равно и через комиссию призовут на фронт. Врангель идет, Польша, Петлюра на Киев”. Не послушался меня Иван, и вот я его провожаю. Коней и обмундирование им дали хорошие, шашки, карабины, револьверы. Прошло 10 дней. Кубанец Миша шлет мне письмо: “Андрей Васильевич, я не нашел адреса Ивана Александровича и пишу тебе, чтобы ты сообщил его родителям:

Иван погиб в неравном бою. Наших было мало, весь эскадрон порубили. А мне посчастливилось, я был в карауле у штаба. Басмачи их заманили в горы, окружили и всех порубили". Я написал родителям Ивана, они мне ответили, очень горевали и плакали: "Почему ты не уговорил Ивана остаться"? Но он меня тогда не послушал. Наверное, быть тому, судьба.

Приходит ко мне командир взвода и говорит: "Шайкин, я тебя прошу: вы поедете в Ростов с Леоновым и пройдете там комиссию – ты по тифу, он – по глазам. Если пустят домой – поедете, а примут на службу – пойдете там в военный городок. Мы через неделю тоже поедем туда на комиссию. Вы же повезете красноармейца, он ошутоломел (сошел с ума), очень буйный сделался после тифа. Привезете его в Ростов и сдадите в сумасшедший дом".

Дали нам место в вагоне, мы сумасшедшего связали и повезли. В Ростове на станции развязали его, а он у нас сбежал и начал всех подряд бить. Его милиция поймала, привела к нам, к вагону. Подошла машина, мы опять связали его и сдали в сумасшедший дом. Идем мы на комиссию, а я вижу, остановился эшелон. Я смотрю, бежит от эшелона мой товарищ, сосед Иван Митрофанович Журлов, 1901 года рождения. Мы с ним поздоровались. Поговорили, на станции 3-й звонок пробил, команда "садись в вагоны!" Он сказал: "Если тебя отпустят домой, расскажи моим родителям, как мы с тобой встретились. Нас везут неизвестно на какой фронт", - и побежал к вагону. А я пошел на комиссию.

Меня приняли на службу и дали документ. Подхожу к первому же бараку - из него выбегают красноармейцы, мои товарищи: Бочкарев, Кривоножкин и Казанцев Матвей. Кричат: "Эх, здорово! Шайкин прибыл". Они направлялись на кухню. Я им говорю: "Возьмите и на мою долю котелок и принесите супу". Бочкарев вернулся в барак, взял там еще один котелок и принес мне супу и каши, а взводный дал пайку хлеба и забрал мои документы. Оказалось, все они тоже служили в нашей 34-й Кировской дивизии, только в другом полку. И вот я с ними в одном отделении.

Через 10 дней нас, 550 человек, сформировали (в отдельный полк?). В Ростове был большой военный городок, до большого оврага. После войны с немцами я еще раз побывал на этом месте с внучком Славой, когда прилетал в Ростов из Пензы. Сейчас там аэродром, постройки, а военный городок ликвидирован.

И вот мы прибыли на станцию, стояли 2 недели. Нас кормили очень хорошо. Дивизионные рыболовы ловили рыбу в Дону около Азовского моря. Очень много наловили. Каждый день нам давали

на двоих котелок мелкой рыбы и крупного леща также на двоих.

Пошли в поход, выдвинулись километров на шестьдесят в Таганрог. Полк был подчинен 9-й Краснознамённой дивизии. Стали нас распределять по ротам. Бочкарев Иван Егорович стал связистом, Казанцев Матвей Васильевич попал в хозвзвод как хороший сапожник. А мы с Кривоножкиным Петром Степановичем остались в одном отделении, в пехоте. Ждали приказа, ожидая высадки с моря десанта Врангеля. (На Советскую Россию) идет Польша, Петлюра к Киеву лезет, враг со всех сторон. И вот высадился десант в Ахтарске с Черного моря, 40 тысяч врангелевцев. Они хотели захватить Кубань, отрезать Кавказ и бакинскую нефть. Нас повезли на отражение десанта через Ростов на Кубань, где когда-то мы наступали на Деникина. Высадились из вагонов, стали окапываться. А неприятель от моря уже удалился в нашу сторону на 70 километров. Здесь мы с ним и сразились. У нас было войска много: 2 дивизии кавалерии, наша дивизия и при нашей дивизии 15 тысяч кавалерии, флотских было 10 тысяч, морской пехоты. В 90 километрах от моря мы остановили десант и погнали его обратно к морю купать его войска. Те, что поумнее, сбежали в эмиграцию, а подурее – остались, разбежались по камышам. Он вдоль моря километров 90 тянулся. Места болотистые. Им Врангель сказал: «Я опять тут высажусь». Но не пришлось. Здесь все было заминировано. Мой дядя Гриня служил во флоте минером и мне потом рассказывал: «Вас угнали и наш флот ушел, а мы, минеры, еще месяц стояли, минировали берег и только после этого уехали в свою часть».

Но перед этим мы оцепили камыш и охраняли. Потом пошли в наступление. Войска было много. И вот к нам приехал главнокомандующий (председатель Реввоенсовета) республики Троцкий и мне пришлось его лично видеть. Нас построили, он проходил вдоль строя, нас поздравлял и наш полк: «Здорово, 81-й полк!» - «Здра…здра!..» Потом выступил с речью. Речь была очень долгой, оратор замечательный.

10 дней мы охраняли побережье. Когда сняли, нас повезли через Ростов в Крым на Врангеля. Не доехали до Гришиной (ошибка мемуариста) станции, сгрузились и пошли на село Успенку, а потом поворотили на Мариновку. И тут мы сразились с Врангелем. Очень сильный был бой, никогда не забыть. Я считал: в один день бросалась на нас в атаку кавалерия 16 раз, хотела нас отрезать от своих. Но здесь ходили три бронепоезда, и неприятелю не удалось победить нас. Бились мы насмерть, но не отступили ни на шаг. В каждом окопе собрали после боя по ведру пустых гильз. Мы били залпами из ружей, из пулеметов «максим» и «кольт». Побили неприятеля много. Но на другой день мы

отступили, так как ему удалось прорвать левый фланг. Бронепоезда ушли в тыл, а мы ночью пошли в наступление на Гуляйполе, где родина Махно. Когда шли по улице, нам показывали его дом – крайний около оврага, саманный. По профессии он учитель. Так сказали нам жители. Пошли дальше наступать на село Пологи, где население греки и всякие иные нации. Не дошли мы до него 5 километров, как белые прорвали левый фланг: 7-я кавалерийская дивизия не устояла. Белые заняли Гуляйполе, и нашу дивизию отрезали от обозов. Мы оказались в окружении, особенно наш 81-й полк и вся бригада – три полка. От нашего полка осталось 23 солдата.

И вот пропишу о себе, как мы спаслись – это чудо. Окружили нас, патронов нет. Пасмурно, вечер. Я бросился в заросли куреслепа, Кривоножкин за мной. Проползли с километр, потом вставали и двигались вперед перебежками. На пути овраг глубокий, широкий. Мы сползли в него, а там еще трое красноармейцев, потом еще трое подошли, из них один командир взвода Семёнов. Покурили, посоветовались – я не курил сроду – и стали выбираться наверх. Немного прошли по равнине – заметили разведчика белых. Командир взвода сказал: «Сколько у кого есть сил, бежим в камыши». До них километра полтора. Разведчик нас заметил и ускакал. Взводный сказал: «Сейчас он им сообщит о нас, и они прискачут и нас порубят». Немного не добежали мы до камыша, как белые прискакали, стали искать нас, но мы успели спрятаться в камыш. Они уехали, мы дальше пошли широким ходом.

Ночь была светлая. Мы шли на восток по звездам левее Гуляйполя, где было много войска, поэтому кругом заставы. Пришли к водотёку, тут сырые места и трясина, вышли на шоссейную дорогу. Глядим – три дома стоят. От Гуляйполя 7 километров, заходить опасно: может, тут находятся кадеты? Но делать нечего: мы очень голодны, пришлось на все идти, даже рисковать жизнями. Послали одного узнать. Он пошел к крайнему дому, а мы наизготовке. Он постучал – вышел старик: «Кто тут?» Наш у него спрашивает: «Дедушка, в вашем хуторе есть кадеты?» Тот отвечает: «Нет, а в Гуляйполе полно». «Дедушка, дай нам хлеба, мы очень голодны». «Сколько вас?» «Восемь человек». «Сейчас сделаю». Нарезал восемь ломтей, дал чугунок картошки и соли. «Воды возьмете в колодезе». Мы просим: «Дедушка, покажи нам дорогу на Устиновку, пожалуйста!» И он повел нас.

Километра четыре прошли с ним по дороге, которая вела в лес, и старик сказал: «Идите этой дорогой до леса, но в него не заходите, а поверните влево вдоль леса. Вправо не ходите, там кадеты. Дойдёте до просеки и пойдете по ней, она вас выведет к

Устиновке».

Мы поблагодарили его, попрощались и пошли. Километра два прошли, сели, покушали, поблагодарили Бога и старика и пошли шибким ходом. Вышли на просеку, по ней вышли на край поля. Рассветало. Тут была линия нашей обороны. Свои нас тут же забрали «в плен» и повели в штаб полка. Там мы узнали, что наша дивизия разбита, а бригада – наполовину, а от 81-го полка осталось только 23 человека, считая нас. Двум бригадам помогли соседние части, поэтому половина бойцов осталась в живых, и они вышли из окружения. «Ваше полковое знамя вынесли из окружения политрук и с ним шесть бойцов. А дивизия ушла в тыл на пополнение, 25 километров от нас», - рассказали нам в штабе.

Вот прибыли мы в свою дивизию. Пришло новое пополнение, призыв 1901 года рождения – вятские и пермские. Две недели отдохнули и пошли вновь на переднюю линию добивать Врангеля, мстить за себя и погибших товарищей. Гуляйполе взяли быстро и погнали белых господ. Они отступали без оглядки. Дошли до Сиваша, где самые тяжелые места: трясина где три километра ширины, а где два с половиной. Местами весь полк может утонуть в трясине. Поблизости был лесок, возле него штаб, караулка и избенка, где остановились Фрунзе и Блюхер. Мне пришлось их видеть издали.

В это время к нам, красным, присоединился Махно. Много кавалерии, тачанки, пехота. Я стоял на карауле у складов, закрытых брезентом, вижу, идет товарищ. Я у него спрашиваю: «Почему столько войска?» Он мне говорит: «Махно присоединился». А от нашего взвода в этот день дежурил один боец в штабе командующего. И он рассказал, что явились в штаб четыре человека от Махно, один – его заместитель. «Я доложил Фрунзе о них», - рассказывал боец. Фрунзе приказал пропустить их. Они вошли и стали разговаривать с ним. Они говорят: «Мы здесь выросли, поэтому знаем места переправ через Сиваш». Фрунзе отвечает: «Ну, тогда переправляйтесь через Сиваш». Когда махновцы ушли, Фрунзе и Блюхер вышли наружу, Фрунзе и говорит Блюхеру: «Ты предусмотрел, куда нам бежать в случае измены махновцев? Видишь, сколько у него войска, а нас лишь один полк, основные силы разбросаны по всему берегу. Он может на нас напасть, он очень ненадежный». Об этом разговоре нам рассказал товарищ, который дежурил при штабе.

Но все закончилось хорошо. Махно переправился через Сиваш и зашел противнику в тыл. Он очень нам помог. Мы тоже стали перебираться. Проводником у нас был здешний старик. А то весь полк мог утонуть в трясине. Когда мы переправились через Сиваш, командир полка поблагодарил старика и спросил у него:

"Чего тебе дать в подарок?" А один красноармеец кричит: "Товарищ командир, дай ему лошадь, у них в поселке всех лошадей отобрали белые и у него тоже". И командир полка приказал дать старику лошадь из обоза и дал ему документ, что никто не мог отобрать у него этот подарок, он его заслужил. После бойцы из хозвзвода рассказывали, что когда они проезжали через этот поселок, лошадь стояла у дома старика, а вокруг народу человек 50, старики и малыши. И говорят старику: "Все равно отберут лошадь". А тот показывает им документ и говорит: "Никто не отберет. Так сказал полковник, это лошадь его полка, и ее мне сам полковник дал". И все в поселке радовались этому.

Махно перешел в наступление с тыла и наша дивизия зашла с тыла. У Врангеля укрепления очень хорошие, 100 ходов сообщения и проволочное заграждение на 2 километра. Вот и пробей его оборону. Эти укрепление делали миллионеры, 4 державы - Франция, Америка, Италия, Германия. Все свое богатство русские капиталисты свезли в Крым и ждали, когда им казаки завоюют Россию. Ограбили всю Россию! На 305 кораблях увезли наши богатства за границу вместе со своими союзниками, когда стали удирать.

Вот Врангель побёг к морю и стали садиться на корабли. Некоторые прямо в море кидались. Про нас, красноармейцев, распространяли слухи, будто мы с рогами.

Врангеля мы победили и стояли в Крыму до конца ноября 1920 года.

Как-то командир роты дает команду строиться. Построились, подъехало высшее командование: командир бригады, командир полка и комиссар. Пошли вдоль строя, дошли до меня:

- Как фамилия?
- Шайкин.
- Какой губернии?
- Саратовской.
- Семейное положение?
- Отец, мать и брат на 5 годов моложе меня.
- Холост?
- Холост.
- 5 шагов вперед, марш!

Отобрали меня и Леонова из Тамбовской губернии и направили в канцелярию. Ротный говорит:

- Не знаете, для чего вас вызвали? Было указание от Ленина: из каждой роты выбрать по красноармейцу и направить на высшие командные курсы в Киев, в кадетский корпус, где учились до революции юнкера, бывших помещиков сыновья. Шайкин, вы согласны?

– Согласен.

– Леонов, вы согласны?

– Согласен.

– Поедет из вас один на пять годов и больше. Давайте домашние адреса, мы напишем в сельсоветы насчет характеристик.

Десять дней прошло, характеристики пришли с родины, у меня была характеристика очень хорошая. Я был середняк, он был бедняк – постарше меня на 2 года, оба были беспартийные. Я прошел комиссию, а он нет. И сразу меня готовят к отправке в город Киев. Вот я и прибыл в Киев, в кадетские корпуса. Началась разбивка по командам и казармам, по кабинетам – 4 человека в кабинет. 4 койки, 2 шкафа, каждый шкаф на двоих. Дали обмундирование: 2 комплекта, одно парадное, другое учебное [повседневное]. Чистота очень хорошая и дисциплина очень строгая. Пробыл я месяц. Учился на “хорошо” и заболел. Меня отправили в Киев, улица Крещатик, в военный госпиталь. Очень я сильно болел, думал – не выдержу, помру: горло опухло, простуженый сильно был. Лежал около месяца. И вот немного поправился, меня выписали из госпиталя, опять направили в школу, в кадетский корпус. Но у меня настроение отпало насчет учебы, и надумал отказаться от учебы: наверно, судьба по-своему ведет – не быть мне начальником. Когда меня вызвал в свой кабинет генерал школы и начал беседовать со мной, я ему сказал: “Больше учиться не могу. Я очень слабый и мне неохота учиться, настроение у меня отпало”. Он меня стал уговаривать: “Мы тебя учить станем по твоей слабости”. Я наотрез отказался. Тогда он согласился: “Только не обижайся”.

Я ему говорю: “Я сам отказался, зачем я буду обижаться? Вы меня направьте в мою часть, в 9-ю Краснознаменную дивизию”. Он сказал: “Ваша дивизия на Кавказе, на границе. А вот формируется 144-я этапная рота на Крещатике 600 человек, вот в нее и пойдешь. Будете помогать чекистам охранять границу около Слуцка и Бреста. И будете банды ликвидировать". Я согласился.

И вот я в команде 144-й этапной роты на улице Крещатике. Немного постояли, и нас стали отправлять на границу. Шел 1921 год. Разгрузились на станции Винница, а потом направились на Луцк. Нас подчинили дивизии, которая стояла на границе, занимая оборону до Бреста. Стали действовать. Две банды ликвидировали, пойманных бандитов отправляли в Киев или Одессу. Боёв было очень много. Враг, буржуазия, Антанта засылали к нам разведчиков и бандитов, но мы их всех выгнали. В конце 1921 года наш этап стали расформировывать, он стал не нужен, так как число банд сократилось. Нас отправили в

Полтавскую губернию, в городишко Ромны. Там стояла 4-я кавалерийская дивизия, все бойцы кадровые. Молодых стали учить кавалерийской науке, а нас, 1900 года рождения и старше, направили в хозвзвод и скоро демобилизовали.

***

И вот я снова дома, занимаюсь сельской работой, хлебопашеством. В конце 1922 года я женился, пошли дети, девчонки народились: Таня-большуха, Паша, Маруся, Клава и жена Агафья – вот моя семья из шести человек. Детьми мы дорожили, они у нас росли хорошо, умные, послушные, учились только на «отлично».

По указу Ленина в стране начался нэп и восстановление хозяйства. Работали в единоличных хозяйствах на лошадях. Жить стало получше. Продналог выполнишь, остальное вези куда хочешь. Но вот подошел 1928 год, стал образовываться добровольный коллектив (товарищество по совместной обработке земли. - Ред.). В 1929 году возник колхоз, но в него зашло немного крестьян, только пролетарии. Кроме них, никто не шел в колхоз добровольно. Наступил 1930 год. И вот грянул гром: всех стали загонять в колхоз принудительно. И стал народ уезжать в города на все стороны. Которые грамотные – те еще в 1929 году уехали. Поэтому грамотных в колхоз совсем мало зашло. (Да и те как следует не работали. - Ред.), только ходили с папками, агитировали да загоняли в колхоз лучших тружеников.

Пошло раскулачивание. На каждого крестьянина накладывали дополнительный налог – такой большой, что его невозможно выплатить. И на скот полагался большой налог. А лозунг один: вступайте в колхоз добровольно! Очковтирательство! Наложили и на меня налог – большую сумму денег. Его нельзя было выполнить, даже если бы я продал две коровы. И вот я зашел в колхоз, отдал лошадь, серого мерина молодого – 4 года, сбрую, инвентарь, сани, фуру, колоду, полог, плуг, бороны – всё отобрали до ручки.

И попали мы под замок. Были мы свободными, а стали рабами. Я всё вспоминал покойного Ленина, потому что мы с ним воевали за Советскую власть народа. Если бы он был жив, такого издевательства не было бы. Он сделал бы по-другому, насильно не стал бы загонять в колхозы, он был очень умным. Но враги его сразили, поранили отравленными пулями, он прежде времени и помер.

Зимой я работал плотником, летом – пахарем. Всю землю

поднимали на лошадях. Нам ничего не платили, только начисляли трудодни. Не знаю, кто это удумал, я все думаю – Ягода или Ежов. В центре командовали враги народа. И Сталин был врагом народа. Жали на область, область на район. Все ходили под дулом нагана, партийный и беспартийный. Весь хлеб отберут, а нам говорят: «Вы – хозяева». А «хозяевам» государство отпускало в три раза дороже, чем получало от нас, семена и комбикорм.

В колхозах можно было бы работать, если бы платили за работу. Но враги народа не давали народу ничего и морили его голодом. Стали раскулачивать, отправлять в концлагеря и Сибирь. Вот один случай. Насажали полную арестантскую людей и подогнали обоз для отправки. Среди них Федька Демидов и Подгорный из села Асмётовки. Они при единоличном хозяйстве восстановили мельницу на реке Сердобе. Их за это раскулачили и посадили в арестантскую. Когда их вывели, чтобы посадить на подводы, Федька как-то сумел убежать, а Подгорный побёг – его застрелили. Погиб человек ни за что. Таких случаев было много, все не опишешь.

В нашем колхозе сперва был председателем Клевцов, из рабочих, 25-тысячник. Заместителем у него был Кулаков Сергей Андреевич. Оба были партийными. Поработали два года – сняли. Назначили председателем Граблина Павла Егоровича, партийного, из села Бакуры. В марте 1932 года ему кто-то сказал про меня (как о добросовестном колхознике. - Ред.). Я его сроду не знал и он меня тоже. Я работал плотником на улице Кузнецовке в пристенке у Манышева Андрея делал «транспорт»: фуры, весь инвентарь. Вижу, пришел курьер Забелин Федор Иванович, мальчишка годов десяти, дает мне бумажку от Граблина: «Явиться в правление колхоза». Я зашел домой, разул лапти, надел чёсанки (с калошами), так как было сыровато, являюсь в правление. Граблин как раз собирает заседание. Поздоровался с ним, он и говорит: «Садись! Андрей Васильевич, я тебя хочу назначить своим заместителем по хозяйству». Я отвечаю: «Павел Егорович, я же малограмотный, а надо кассу вести, все деньги пойдут через мои руки. Надо приход-расход вести». А он отвечает: «Мне твоя грамота не очень-то нужна. У меня в правлении грамотных полно, только в хозяйственных делах не смыслят. Мне нужно хозяйство поднять, а ты – хозяйственный».

Граблин говорил, а я слушал: «Мы с тобой находимся в бывших домах кулаков. Они хотя и не кулаки, но их так назвали. А нам надо обзаводиться своим колхозным хозяйством. Нам с тобой предстоит сделать пять конюшен, при базе – избу и ригу

для кормов. Корма – на замок. Нам нужно построить кирпичный завод для ручного изготовления кирпича. А то Королёвых (местных кирпичников. - Ред.) раскулачили, кирпича не стало. Будет колхоз кирпич продавать – у нас появится побочный доход. Нужно сделать маслянку (маслобойку), у нас будет масло, а от него тоже доход. Нужна чесалка (шерсточесалка). А то ее у старика Манышева отобрали, он весь свой горб на ней замучил, стал горбатым от работы, и за это его раскулачили. А мы сделаем к чесалке привод, лошадка будет вертеть, чесать шерсть – а нам опять доход. Еще нужно сделать ирригацию, ввести полив хотя бы на 100 гектарах. Будем сажать арбузы, дыни, капусту, огурцы, помидоры, и появятся у нас свое подсобное хозяйство и деньги. И вот когда мы это сделаем, тогда и будем грамотными. Ты сколько прошел учебы?» «Три года. Учился на «хорошо». «А я четыре года… Вот сошлись два грамотея! Давай с тобой колхоз «Первый путь» восстановим, чтобы он стал миллионером!»

И взялись мы по-настоящему за работу, всё сделали, как намечали. И колхозники очень хорошо работали, хотя им и не платили ничего. Но в войну всё разрушили, а после войны доломали.

В конце 1938 года я подал заявление об уходе из завхозов, очень стало трудно работать. Дети малые, ходят в школу, жена больная. Я день и ночь в колхозе, позьмо обрабатывать некому. А ведь только от него и кормились. Вместо меня назначили завхозом Гурьева Ивана Федоровича, а меня избрали председателем ревизионной комиссии. Потом меня послали в тракторный отряд. В конце 1939 года Гудков Василий Григорьевич не справился с учетом, вот меня и послали вместо него учетчиком. Бригадиром был Стрельников Петр Степанович. Мне в отряде нравилась работа. На должности учетчика я работал до августа 1941 года.

***

И вот наступил 1941 год. 29 августа мне принесли повестку явиться в военкомат. Привез нарочный повестку в полеводческий отряд. Мы стояли в Питленковой [местное название лощины] в поле. Я расстроился. Вечером пошел домой. Даже забыл косу – лежала под будкой. Наверно, сердце чувствовало: мне очень будет мучение – плен. Поутру я пошел в военкомат. 29 августа 1941 года. Мне сказали: “30 августа вас будут отправлять на войну”. Я очень расстроился и не мог в себя прийти.

И вот меня провожают на войну. Я был без памяти. Я

оставляю четыре девчонки и жену больную. Но ничего не поделаешь, Родину надо защищать, в рабы неохота идти и свое поколение позволить поработить.

Молотов выступил с речью к народу: “Дорогие товарищи! Враг напал на нас вероломно, безо всякого предупреждения. Враг силен и коварен и неумолим. Все на защиту Родины!”

Нас отправили в город Балашов. В это время всех гнали в Селиксу. 26–27 августа были очень большие наборы, а нас небольшой был набор – 34 человека в город Балашов привезли. 18 дней поучили и на фронт поехали. Минометчики, 1500 человек.

Теперь я вам расскажу, как мы ехали и шли до передовой – вы ужаснетесь, как Гитлер подготовился, а наше правительство ушами хлопало, глядело на подпись – подписали с Риббентропом (договор) о ненападении. Он (противник) порвал подпись и готовился, а наш Сталин глядел на подпись. И нельзя сказать про войну – расстреляют.

Доехали мы до станции Лиски, ехали мы на Харьков. Около Лисков эшелон встретил немецкий самолет, бомбил, но нам вреда не сделал, его сбили. А до фронта было 1000 километров. Не доехали до Харькова 30 километров, остановились, в селе – столовая. Всем эшелоном пошли в столовую, пообедали и сели в вагоны и поехали. После нас зашел следующий эшелон. Налетели немецкие самолеты и разбили всю столовую, отошло убитых и раненых на сорок процентов. А фронт в 800 километрах.

Из Харькова стали вывозить раненых – их всех добил, разбомбил противник. А мы к утру доехали благополучно до Харькова. Он (противник) бомбит Харьков, могуты нет! Нас с эшелона спрятали в кирпичные сараи. Там овраг и кустарник. Он нас и там нашел, очень сильно бомбил, были убитые и раненые. Оказывается, у него (противника) на окраине Харькова работал в подвале передатчик, откуда радист передавал (информацию о местонахождении красноармейских частей).

К вечеру пошли грузиться в вагоны – он и тут нас бомбил. Снова жертвы, раненые и убитые. Наконец, собрались, поехали на Ахтырку, до нее 25 (правильно – 100) километров. Не доехали до Ахтырки, рассвело, он опять прилетел и начал бомбить. Мы выпрыгнули из выгонов, по лесу разбежались, а эшелон, вагоны, были разбиты в щепки, наших много (немец) побил и поранил. А до фронта еще 700 километров! А он нас замучил, бомбит и бомбит. Наших же самолетов не видать.

Дальше мы шли пешком 600 километров до передовой. Дошли, пополнили дивизию. Там были и пограничники, и кадровые военные: «Пока мы ехали до фронта, немец нас замучил бомбежками». «Нас тоже замучил», - отвечали они. Дальше мы

отступали 600 километров, всех измотал противник. Сталина проклинали. Он отдаст приказ задержать гитлеровцев, мы задержим, а он обойдёт, и мы в окружении, наших берет в плен. Он (немец) нам постоянно кричал: «Рус, огурчиков (снарядов) нет? Ну, держитесь теперь!» Могуты нету! У нас же ничего не было – ни танков, ни самолетов, ни снарядов. Вы уже узнали (из написанного мною), каково было на железных дорогах. Кто же их подвезет в таких условиях до линии фронта?

Трижды я выходил из окружения, а в четвертый раз не вышел, попал в плен под Харьковом. (Плена боялись). Бывало, придет приказ от Сталина: ни шагу назад, всех постреляю! Особый отдел – враги народа! – выведут из строя, выстроят в одну шеренгу человек десять, кого попало, и на наших глазах расстреляют. Показывали этим: всех постреляем, (если отступите)! Враг был Берия, а в особых отделах работали его помощники. Но (как выполнишь приказ?) лбом противника не остановишь, нужно оружие, боеприпасы, а их нету. Пограничники рассказывали нам, что был приказ всю технику оставить на границе. А у кого она была, не давали заправлять горючим. Мы много техники оставили на границе и за это проклинали Сталина. Вот и отступали от границы 800 километров. Вот как подвел «вождь народов»!

Вот и для меня наступили мытарства, мучения от ненавистного врага-фашиста, страдания и голод, издевательства невыносимые! (Подчеркнуто мемуаристом. - Ред.).

А теперь я расскажу, как попал в плен к ненавистному врагу-фашисту около села Кутильвы Харьковской области. Заняли мы оборону в семи километрах от Кутильвы. Противник прорвал левый фланг и окружил нас, мы оказались в тылу немцев, в сорока километрах от своих. Это было мое четвертое окружение. (Причина их в том, что) наши войска отступали как попало. Командование про нашу роту совсем забыло. Мы послали связного – его убили или еще что с ним случилось, никто не знает. А мы все лежим в обороне. Ободняло. Едет легковая машина по шоссейной дороге, немецкое начальство. Мы ее обстреляли – она назад уехала в свой штаб, который находился в Кутильве. Село было занято немцами ночью. А мы все «воюем» в немецком тылу. И этот день пролежали, ночью послали разведчика. Он узнал, что в Кутильве штаб немецкий. И ротный Попов Михаил Федорович нам сказал: «Мы ротой не сможем выйти из окружения, так как находимся в глубине немецкой обороны. Давайте разбиваться на группы по три-четыре человека, товарищей подбирайте себе сами, и будем выходить из окружения». Я подошел к ротному, он спрашивает: «Как фамилия?» «Шайкин». «Сколько человек в вашей группе?» Я ему

ответил: «Три человека: я, Манышев и Бочкарев». (Все из села Малая Сердоба). «Хорошо, вот теперь я буду рассказывать, как выйти из окружения, а вы смотрите на карту». Он открыл карту, фонариком светит: «Пойдете на восток по лесу, пройдете километров десять, дальше будет редкий кустарник, местами трясина, луга шириной километра три. Дальше пойдет сплошной лес до Ахтырки. Пройдя через него, вы и попадете к нашим».

Ротный пошел в группе из четырех человек: он, политрук, один земляк ротного и разведчик. А мы втроем. Начался дождь со снегом. Лезем по лесу. Вдруг Бочкарев потерялся. Кричать опасно – враг кругом. В это время на нас наткнулся товарищ, тоже отшибся от своих, звать Иваном. Мы его приняли к себе. На нас было хорошее обмундирование: новые шинели, новые зеленые плащ-палатки, хромовые сапоги. Подошли к тому месту, которое указал по карте ротный, посидели, отдохнули и снова вперед. Сперва ползли, потом пошли в рост. Никого из своих не слыхать, не видать. Вдруг началась стрельба по нас, прямо засыпало пулями. Ивана убили, а мы с Манышевыми остались живыми. Подбегают к нас пять немцев-эсэсовцев, злые, как собаки. Нас обезоружили, отобрали винтовки, гранаты, патроны, кричат: «Рус, капут! Убить их!» Но их начальник унтер-офицер сказал: «Никс капут, не надо убивать». И повели нас, один впереди, двое сзади с автоматами. Идти до их штаба далеко, до Кутильвы. Если бы не унтер-офицер, они бы нас не довели, убили бы. Привели нас в церковь, а там уже пленных человек 150 Там был и наш политрук. Но мы к нему не подошли, и он очень расстроился.

Утром нас выстроили в одну шеренгу у церкви, говорят: «Коммунисты, гвардия?» Уж очень хорошо мы были одеты и обуты. Начали нас разувать-раздевать, плащи сняли и сапоги хромовые. И оказались мы разувши, а идет дождь со снегом. Манышев был в ботинках, их немцы не стали снимать. И вот для тех, кто оказался без обуви, началась мука. Как скотину гнали нас и били прикладами.

Прошли 20 километров до какого-то села. Загнали в телятник. В нем грязь, только вдоль стен сухо. Снял я с ног тряпьё и полотенце, поджал ноги, шинелью завернул. Ноги синие. Дело плохо, смерть на носу. Но делать нечего, надо все переносить, духом не падать. Подошел ко мне Манышев Иван Григорьевич и толкует: «Андрей Васильевич, ты до Полтавы не дойдешь, погибнешь». Я отвечаю: «Ничего не сделаешь. Помру – отмучаюсь. Дело к этому идет. Я – нынче, вы – завтра. Немец всех истребит». Манышев мне говорит: «Андрей Васильевич, мне по нужде надо выйти". Я ему отвечаю: "Вон садись в грязь да оправляйся". - "Нет, мне надо выйти". Толкнулся в ворота, ему конвоир открыл:

"Шайзо". По-нашему, "оправляйся". Он отошел, а тут избенка рядом,сад и старик стоит. Манышев ему и говорит: "Дедушка, дай калоши, у меня товарищ разувши". А старик говорит: "Я уж наплакался, на вас глядя, но вдруг супостат (конвоир) застрелит". Манышев отвечает: "Пускай меня убивает, только дай калоши". И старик тут же принес, наверное, были где-то рядом. Человек был хороший, дай ему Бог Царство Небесное, кости бы его никогда не гнили!" Вот мне Ванька (Манышев) принес калоши, а я у него спрашиваю: "Где ты взял?" - "Бог дал". И дал мне чулки, у него в запасе были последние. Я надел калоши и поблагодарил Бога, он мне помог, обул меня и мысли вложил Ивану - наружу выйти, и старик тут оказался, будто ждал, кто придет и попросит калоши. Это всё по-Божьи.

Утром нас погнали дальше на Полтаву. Прошли 10 километров. Село Григорьевка. Небольшое. С одной стороны шоссе стоит народ возле изб, как нас прикладами бьют и гонят разутых. Кто ослабнет, ляжет, его прикладами добьют. И вот одна женщина угадал среди пленных своего мужа. Бежит метрах в пяти от колонны: "Миша, Миша!.." А конвоир из автомата ее застрелил: к нам нельзя подходить ближе чем на 20 метров. Ее убили, а народ к ней не подходит, боится. Вот чего делал фашист! Разве ее нельзя было остановить? Она же не знала их правил и погибла.

Идем дальше на Полтаву. Конвой сбоку, спереди и сзади, с собаками, бьет прикладами, кошмар. Пришли. В Полтаве лагерь только что обосновался. Раньше, наверное, здесь были бараки, склады. Огорожен колючей проволокой. Стали нас морить голодом. Наварят горелой пшеницы и говорят: «Это вы жгли и ваш Сталин». А ее есть не то что человек – никакая скотина не будет. Но приходилось. Пошло гонение, тиранство. Через пять дней пригнали новую партию пленных, с ней прибыл и Бочкарев Андрей. Он нам рассказал, какие пережил страдания, их, как и нас, тоже гнали разутыми.

Подержали нас в этом лагере один месяц или три недели и стали отправлять в город Кременчуг на Днепре. Мы его проходили, когда отступали. Холод, мороз градусов 25, позёмка, снег. Намёрзлись сильно. Человек 600 помёрзло насмерть. На какой-то станции, когда эшелон остановился, мы заметили бурт свеклы. Андрей Бочкарев кинулся и успел три схватить три корня. Немец за ним, но мы с Манышевым успели схватить Андрея за руки и втащить в вагон. Немец хотел ударить прикладом, но промахнулся и попал по колесу, приклад разлетелся вдребезги. Если бы не мы, он Манышева убил бы.

Подъехали к станции в Кременчуг, встречает усиленный конвой по обе стороны, с овчарками. Лагерь большой, пленных

тысяч 60. Колючая проволока в два ряда, в высоту метра три и посередине (между рядами?) витая колючая проволока. Кругом вышки, на которых по два немецких солдата и пулемет, метрах в 50-ти одна от другой. Между вышек ходят часовые с собаками. И вот немцы стали нас морить голодом и бить, издеваться, чтобы мы все погибли. В баню нас не водили 8 месяцев, развелась вошь ужасная. Наконец, немцы решили сводить нас в баню. Зима, холод. Помылись немного и кое-как. После бани нас загнали в нетопленый сарай, чтобы мы все заболели и помёрзли. Вот как издевались! После этой бани простудились и умерли 700 человек. Иван Манышев тоже умер от простуды. А мы с Бочкаревым пока живы, нас Бог оберегал. Иван незадолго до смерти говорил: «Андрей, если мы доживем до весны, надо обязательно бежать». Я ему отвечал: «Обязательно убежим». Наверное, у него сердце чуяло, что не доживет.

Каждое утро из бараков выносили 10-15 трупов. Наложим их на дровни поперёк и возим к ямам. Человек 16 двигали дровни, тянули веревками. Сами чуть теплые. Нас бьют прикладами. Подвезем, побросаем в яму, а другие пленные, что посильнее, рыли ямы, каждую на 500 трупов. Когда яма заполнится – ее закидают землей, а другая яма уже готова. И я оплошал и уже на нижние нары сил не имею залезть. Еще бы дня три, и меня бы отвезли в яму, но судьба ведет по-своему: не быть мне мертвому. Как-то Андрей Бочкарев стоял у двери и зашел конвоир с поваром. Говорит ему: «Ком» («пошли»)! И повели работать на кухню, и он работал там 15 дней. Познакомился с поваром, и он к нам в барак стал заходить. И меня подкрепили: тайком носили хлебца, суп в пол-литровой бутылке, картошку и другое. И я стал шевелиться.

В 1943 году Молотов обратился с речью к народам всего мира, говорил о том, как немцы издеваются над нашим народом, всех подряд уничтожают, даже мирных жителей, стариков и детей и пленных. В нашем лагере 47 тысяч пленных погибли, осталось 13 тысяч. Видно, на Гитлера повлияла речь Молотова, нас стали кормить получше, стали давать хлеба и конины.

5 тысяч пленных, в их числе меня, немцы перегнали за Днепр, в Крюково. Там был небольшой лагерь и при нем мастерские. Мы с Андреем Бочкаревым ремонтировали военные брички и выполняли другие работы. Окрепнув, мы решили во что бы то ни стало бежать. К нам приходили подпольщики, которые говорили, что сдались добровольно, для агитации пленных. Они были ученые, политработники. Говорили нам: надо меньше работать, дело идет к гибели, поэтому надо бежать. Если немец победит Россию, все равно он всех нас уничтожит. Вот и пришло наше

время: пока живы и помереть уже не страшно, лишь не мучиться. Как-то в воскресенье, в пасмурный день мы на станции разгружали лесоматериал. Лес был недалеко, до него можно добежать. И к вечеру мы с Андреем бежали. Пусть убьют, зато отмучаемся. Прошли мы лесом от лагеря километров 50 на восток от Днепра, выбрались на край леса. Голодные, как волки. Надо добыть продукты. Подумали-подумали, решили зайти в крайний дом. Мы не знали, что в нем жил враг-предатель. Зашли, поздоровались. Он нам: «Садитесь, я вам всё дам, сознаю вашу участь». Дал поесть супу, картошки, хлеба. Потом говорит: «Я вам с собой дам». А тем временем послал дочь-девку к полицаям. Только мы покушали, заходят двое полицаев, злые, как собаки: "Руки вверх!" Обыскали нас, думали, что у нас есть оружие. А хозяин улыбается: отличился перед немцами, обнаружил добычу. Подошла автомашина, нам надели на руки и на ноги цепи, повезли. Народ собрался, горюет. Старухи говорят: "Милые солдатики, к кому же вы зашли? К предателю".

Привезли нас в свой лагерь, развязали цепи, построили пленных в одну шеренгу, нас поставили перед ними. Подошел комендант лагеря, что-то заговорил по-немецки. Борис, переводчик, перевел, что за побег нам дадут по 15 розог и 15 суток карцера. Стали нас палачи сечь, все удары считал сам фашист-комендант. Мы стали больными, все в крови. Нам бы лежать, а в карцере ни сесть, ни лечь, только стоя. Питание: кружка воды и крошка хлеба. Но судьба и тут по-своему вела. Борис, переводчик, оказался хорошим человеком. Родом он был из большого города, мать русская, отец немец. По-немецки он говорил хорошо, а душа у него была русская. Он нас очень жалел.

Борису комендант доверял ключи. И он приносил нам баланду, хлеб и мазь для натирания. И мы остались живы и даже немного поправились. Вот как его забыть? Никак нельзя! И мы ему помогли, когда нас освободили, вы дальше об этом узнаете. И его назначили в нашей армии переводчиком.

Меня с Андреем последними секли и прекратили (применять этот вид наказания), потому что наши немцев погнали. Первое время когда мимо нашего лагеря везли немцев на фронт, они первое время кричали нам: "Даёшь Москау, рус капут, в Америку за золотом!" Вот у них какие были замашки: хотели покорить и закабалить весь мир. Если бы Россия их не остановила, они бы это сделали. А перед войной Америка, Англия и Франция немцев натравливали на нас. Потом видят, дело плохо, и к русскому Ивану поближе.

Пришло время, стали нас эвакуировать на запад. Нашим охранникам машинисты паровозов кричали, что немцев погнали

по всему фронту. И в это время разболелся у меня большой палец у правой руки, гной пошел до кости. Я пошел в санитарный барак к нашим докторам (военнопленным). Один, украинец из Кировограда, наложил на палец гипс. Сказал, что перелом, и пальцу нужен покой. И правда, через неделю боль стала утихать. И вот команда: "Кто больной - садись на машины!" Я и еще немногие вышли – больные из санитарного барака. И Андрей Бочкарев вышел как якобы больной, с температурой. Борис, переводчик, сказал немецкому врачу: "Кранк" (больной). Больных повезли на машинах, здоровые пошли пешком в Кировоград, в очень большой лагерь. В нем было 250 тысяч наших пленных. Нам санитары сказали, что здесь немцы заморили голодом 220 тысяч. Тут нас с Бочкаревым разделили по разным группам: я остался с больными, а он попал к здоровым. Здесь нас едва не освободили наши. Переправились через Днепр танки, но до Кировограда немного не дошли – остановили немцы. Пленных опять стали эвакуировать на запад: больные на поезде, здоровые пешком. Из вагонов никуда не выпускали, вагоны запирались, оправлялись в параши. Привезли нас в город Славута на польской границе. Лагерь в Славуте тоже очень большой, жили мы в двухэтажных кирпичных зданиях, видно, военных казармах. Высокая колючая проволока и вышки, как в Кременчуге. Среди охранников полицаи разных наций, злые, как собаки, бьют по страшному. Большинство мадьяры и поляки. Нам сказали пленные, что здесь нашего брата заморили 360 тысяч. Молотов назвал этот лагерь лагерем смерти.

А наши войска с каждым днем все ближе. Опять эвакуация. На этот раз в Польшу, в город Холм [Хелм]. Лагерь не очень велик, но говорили, что здесь погибло 72 тысячи пленных. Большинство конвоиров немцы, немного поляков и украинцев. Эти тоже издевались зверски. У них была построена беседка, вся стеклянная, около колючей проволоки. И вот немцы вздумают погулять, пображничать и, напившись, начинают озоровать над пленными. В беседке они выпивают, блядуют, а надумают пролить русскую кровь – ведут пленного, выпускают из беседки трех овчарок и натравливают на него. Изорвут в клочья, до смерти, ведут другого пленного. И так до пяти человек. Остальные пленные трясутся: а ну как меня вызовут! А немцы смеются, зубы щерят, как черти. Они и похожи на чертей. Потому мы называли Гитлера сатаной, а немцев чертями.

Чего они творили – ужас! Как издевались – невозможно описать. И вот за это мы [Советский Союз после войны] даем им 30 годов дешевую нефть и газ: "Подкрепляйтесь!" А ведь они опять нас, наших правнуков, будут лупить, издеваться над ними. Они на нас четырежды приходили: два раза на королей (великих

князей?), на царя Николая в 1914 году и на Советский Союз. Но Россия их всегда била. Они у нас села с живыми людьми жгли. Я их проходил, видел своими глазами. Издевались ужасно!

И вот наши снова подошли поближе, и пленных снова эвакуировали на запад. Оказались мы в городе Люблине, в самом кровавом лагере, его весь мир знает – Майданек. Тут был крематорий, стояло несколько больших котлов-печей. Построят пленных вдоль стены и тянут к котлах электричеством. В котлах растопляют и что от них останется – отправляют на заводы делать мыло. Вот чего творили немцы! Но нас Бог сберёг. Двое суток нас не сгружали с поезда. Наши прорвали фронт левее Люблина, поэтому нас повезли дальше на границу с Восточной Пруссией, около Литвы, где тоже погибли миллионы пленных. Привезли в лагерь. Как он назывался – не помню. Его строили наши отцы и деды в 1915 году. Недалеко стоял памятник, где немецкого генерала убили. В его честь (каждый пролетавший) немецкий самолет трижды облетал памятник и посадку делал. И так каждый раз. Из этого лагеря нас перегнали недалеко в лагерь Губбинин (Гумбиннен Калининградской области?). Мы здесь работали, часть у бавара (Bauer, нем., – "крестьянин") хлеб на полях убирала, часть рыла противотанковые рвы. А нас, четверых плотников, водили в городишко – расстояние 8 километров – ремонтировать веялки, сортировки и разные другие машины. Из местных в мастерских работали малыши и старики, чехи, австрийцы, были и вывезенные из оккупированных территорий.

И вот ведет нас конвоир, немец, по городу. На углу стоят власовцы, справные, кудрявые, с чубами. Нам говорят: "Переходите во власовскую армию-освободительницу. Мы очень хорошо живем и в новой России будем жить хорошо". А Власов до 1944 года русских не брал в свою армию, говорил: "Они все коммунисты". Принимал казаков, грузин, армян и разные другие нации вроде как "оккупированных" русскими.

Наши опять наступают, и пленных перегоняют километров за 20 в лагерь Елава (Елгава, Латвия). Когда мы шли туда, со мной случился сердечный приступ. Упал и дальше ничего не помню. Потом товарищи рассказали. Подскочили ко мне трое конвоиров, один ударил меня пинком. У них порядок такой: кто упал – добивают. Но за меня заступился наш доктор из Кировограда Иван Федорович. Он сказал конвоирам по-немецки, что у меня сердечный приступ, убивать не надо. Иван Федорович попросил троих товарищей, что посильнее, дотащить меня до остановки. 3 километра они меня несли, а доктор все время шел сзади. Вот и рассуждай, как так получилось? Я упал, а рядом оказался доктор. Всех убивали, а меня не убили. Никогда этот доктор со мной

рядом не ходил, а в этот миг оказался со мной. Я все думаю, что меня Бог берёг. Доктор дал мне лекарство, и поутру мне полегчало, я уже сам пошел.

В Елаве (Елгава) на горе находился большой лагерь. Конвойные – палачи: власовцы, полицаи, хуже немцев. Били насмерть. Но недалеко от нашего лагеря, километрах в 30-ти, бои шли ужасные, немец крепко стоял. У него тут был подземный завод, выпускал автомашины, снаряды. Построили этот завод после Первой мировой войны. В то время немцам запрещали строить военные заводы Англия и Франция. Поэтому они строили потаясь (тайно), при помощи пленных, которых задержали незаконно после войны, их было тысяч 200, в том числе и русские. А когда завод построили, всех пленных расстреляли, чтобы никто не знал про этот завод. Наших отцов и дедов побил. Вот какой немец! Он такой, с ним всегда нужна осторожность. Если придется воевать, его нужно уничтожить навсегда. А то воюем, а не добиваем.

Новая эвакуация. 35 тысяч пленных угнали и всех в Балтийском море потопили. Уничтожили, чтобы они не воевали против Германии. Об этом нам рассказали старики-немцы, которые против фашизма. Но мне посчастливилось выжить и на этот раз: за неделю до отправки сверху левой ступни образовался нарыв от простуды, меня и положили в лазарет. Больными, которые могут выздороветь, были заполнены два барака. В остальных лежали кровопоносники (больные холерой? - Ред.), тифозные, туберкулезные, на выздоровление надежды у них не было. А в нашем бараке скрывалось много здоровых, между нами на нарах лежали и санитары. Наш доктор нас научал, как себя вести: "Когда мы зайдем с немецким доктором – все кашляйте. Я ему буду говорить, что тут все туберкулезники, безнадежные, все помрут". И вот как он заходит с немецким врачом, мы все кашляем, немецкий доктор тут же убегал. Благодаря нашим докторам, мы и остались живы, а то бы все пошли на дно в Балтийском море.

Наши войска приблизились, и конвой нас бросил: все разбежались. 3 дня жили мы без конвоя и без еды. Но доктора говорили: "За лагерь не выходите, кругом немецкие войска и власовцы – всех побьют. Терпите". И мы лежали голодные, чуть живые. И вот зашла в лагерь наша разведка. Командовал ею наш майор. Мы выползли из барака и он говорит: "Кто может и как может, товарищи, пробирайтесь километра три до леса. Сюда мы подогнать машины не можем, немец в километре отсюда закрепился, а лагерь на горе. Увидит машины – разобьет сразу".

И стали мы пробираться с горы кто как может. Кто ползком,

кто хромой, все голодные, мохрястые (в лохмотьях), заморенные – невозможно на нас глядеть. Ко мне товарищ хромой прилепился, я ему помогаю, один на полозьях двигается – обоих ног нет: тоже хочет жить. Дошли до ворот, а возле майора-разведчика полицай, хотел проскользнуть вместе с больными. Майор его допрашивает, а он: "Я пленных жалел". А пленные говорят: "Он нас не жалел, он кровавый палач". Тогда майор вынул наган, наставил в лоб полицаю и застрелил палача. И сказал: "Гад! Ещё оправдывается, изменник!"

Добрались до леса, тут наши красноармейцы, дают пленным хлеба, сала, колбасу. Трофеев много у немцев забрали. И наших пленных от этого угощения очень много умерло: были заморенные и лишнего поели. В лесу нас стали собирать и сажать на машины. Проехали в тыл километров двадцать, поместили нас в большие сараи. На пол настелили соломы, дали продуктов – мяса, консервов, хлеба, пшена. Сказали, чтобы поменьше ели, а то после плохо будет, мы очень заморены. Приехала контрразведка, особый отдел, для проверки пленных. Расположились около сарая, поставили столы и стали по списку вызывать. Я пропишу про себя. Так и всех допрашивали.

- Шайкин Андрей Васильевич. Какой области?

- Пензенской.

- Когда мобилизован?

- 29 августа 1941 года.

- На каком фронте воевал?

- На Среднем (Юго-Западном), командующий Тимошенко.

- Какого полка?

- 167-го.

- Где и когда попал в плен?

- Около Харькова и Ахтырки, у села Кутильва. В начале 1942 года, когда отступали от Киева.

- Ну, все понятно. А как к вам относились доктора (лагерные)?

- Как братья родные.

И рассказал, как меня доктор спас, когда у меня случился сердечный приступ.

- И другие доктора были очень уважительными к пленным.

- А как к вам относился переводчик Борис?

И я рассказал, что когда мы с Бочкаревым Андреем бежали из плена и нас поймали и посадили в карцер, Борис нас спасал, носил еду, и мы его никогда не должны забывать.

- Понятно. А вот ты не замечал среди вас власовцев и полицаев?

- Я попал в этот лагерь недавно, только 10 дней в нем провел,

поэтому ничего не знаю.

Дали мне обувь, я пошел к товарищу, который как раз собрался варить суп.

- Шайкин, сходи за водой.

Сам он был хромой, поэтому не мог идти самостоятельно. Я пошел к водотоку, родничку, зачерпнул и вышел на равнину. Гляжу, 22 человека, под видом пленных, в мохрястых шинелях, в окружении наших автоматчиков. Это были власовцы и полицаи. И я сказал власовцам: "Теперь вот вы сравняйтесь с нами". А конвоир спрашивает: "Что означают твои слова?" И я ему рассказал вкратце, как нас, четырех плотников, вели под конвоем в городишко на работу, а власовцы, хорошо одетые, с чубами, сытыми мордами, стояли на углу и вербовали нас в свою "армию-освободительницу".

- И я вам советую, - сказал я конвоирам, - всех их расстреляйте. Они над нами издевались, как и немцы.

Пришел к товарищу, сварили суп, покушали. Подъехали за нами машины студебеккеры американские и повезли. Километров через 15 остановились. Тут четыре легковые автомашины. Вышел генерал (фамилию забыл): "Здравствуйте, товарищи!" Мы ответили как положено. Он говорит: "Счастливые вы, что остались живы. Но повоюете еще с ним, отомстите врагу за свои муки". Оказывается, нас везли в полк выздоравливающих в его 48-ю Краснознамённую гвардейскую дивизию.

[Здесь и далее Шайкин, по-видимому, иногда ошибается в наименованиях дивизии и армии, в составе которых участвовал в боях. 48-я гв. с.д. в конце войны действовала в направлении на Будапешт и Вену. Скорее всего, Шайкин воевал в составе 8-й гвардейской дивизии 47-й армии].

Привезли нас на место и стали лечить и кормить замечательно. Мы как вырвались из ада фашистского, очень быстро стали поправляться. Нас обмундировали очень хорошо и вновь дали присягу, как положено по закону. Вел присягу майор. Он говорил: "Вам рассказывать про фашиста нечего, вы его узнали хорошо, пострадали от него и помучились. Теперь задача – добить фашиста". Мы сказали: "Добьём и отомстим фашисту за его издевательства".

Стали нас, бывших пленных 520 человек, отправлять на машинах на пополнение 48 (8-й?) дивизии. Она стояла километрах в 20-ти от передовой, в лесу уже дней десять. Слезаем с машин. Выходит из землянки красноармеец:

- Есть кто пензенский?

Я откликнулся.

- Какого района?

- Малосердобинского.

- А я Лопатинского, села Гаревка (Огарёвка?), Гурьев Иван Михайлович.

- А я из Малой Сердобы, Шайкин Андрей Васильевич.

- Пойдем к нам в землянку, взводному скажем – земляки сошлись, он учтет, к нам еще будет добавлять красноармейцев.

Так мне пришлось повидаться с земляком. Я был очень рад. Всё им рассказал, как над нами издевался немец и как много людей от него погибло.

Отдохнули 20 дней и пошли на передовую ночью. Мы – в окопы, другая дивизия – из окопов. Теперь она пойдет отдыхать и пополняться. В это время я очень часто бредил, будто нахожусь в плену. Проснусь – слава Богу, я среди своих и опять на войне и вновь буду сражаться с ненавистным врагом в Восточной Пруссии. Наша задача – отомстить врагу ненавистному за себя и за товарищей, которые погибли в плену, и за мирных жителей, которых он погубил, сжёг. Я воевал в 1941, 1942 годах и в 1944-м – разница большая. В сорок первом у нас было совсем мало оружия. Ни танков, ни самолетов, ни орудий, ни снарядов, ни автоматов – ничего не было. А сейчас – бей (стреляй), не жалей (патронов), даже помирать радостно. Идет в атаку или ползем к его (немецким) окопам, а уже его окопы разбиты танками вдребезги. А наши танки все идут и идут. В начале войны ничего этого не было. И откуда что взялось! И идем мы по Восточной Пруссии!

Лежим как-то в окопах, один красноармеец кричит:

- Фриц, сколько тебе Гитлер пообещал русской земли?

Мы знали, что Гитлер пообещал каждому своему солдату участок русской земли, а мы должны были на него работать. Другой наш солдат кричит в ответ:

- Кто повыше ростом – два метра дадут, а которому и полтора хватит.

Немец молчит. А в сорок первом году он нас дразнил.

Но как-то немец откликнулся:

- Рус, вы же не хотели чужой земли завоевывать, а сами к нам зашли?

Наши отвечают:

- Нам вашей земли и сейчас не надо, у вас земля – одни камни, а у нас – чернозём залуженный.

Нам нужно было добить врага ненавистного в его берлоге, чтобы он на нас больше никогда не нападал. Не добили, не довоевали. Мы очень гуманные.

Пошли дальше в наступление, бои очень сильные, враг сопротивляется. В Восточной Пруссии дома многоэтажные,

бойницами на восток. Хочешь пулемет ставь, хочешь – пушку. Вот он как готовился к войне. А наши ушами хлопали. Нас всегда обманывают.

Вырыли мы окопы у лесного клина. Недалеко от меня, человека через четыре, был в окопе белорус. Немец только что отступил. И вот поутру выходят из леса четыре немца, бросили оружие, кричат: "Сдаемся!" Никто из нас навстречу к ним не выходит и взводный боится: может, провокация. И вышел им навстречу белорус, наладил на них автомат и всех перестрелял. Один никак не умрет, дёргается, а он его добивает из автомата и кричит: "Ты хотел русской земли, вот и получай свои два метра!"

Когда белорус пришел, взводный спрашивает: "Почему ты их пострелял, надо было в плен брать, они же сдавались?"

Белорус отвечает:

- Мне их пленными не надо. Они издевались над нашим народом на Волге и у Москвы и Ленинграда, нас в крови топили, уничтожали, а мы пришли к ним – их трогать нельзя, они сдаются. Ты – гуманный, хочешь их кормить блинами? А они у меня в моем дому мать заживо сожгли, и отца, и жену, и дочку. И надо мной в плену издевались полтора года. Если бы ты их взял в плен и погнал в штаб, я бы и тебя застрелил.

Взводный отошел, а солдаты, бывшие пленные, ему говорят:

- Смотри начальству не доложи об этом, а то и тебя, как немцев, убьём, жалельщик!

Через две недели взводный погиб. Убили немцы, а солдаты сказали:

- Вот пожалел немцев и дождался от них смерти.

Взводный мало видел войны, он попал на фронт в 1944 году, потому и жалел немцев.

Гитлер дал приказ: всем гражданским из Восточной Пруссии эвакуироваться, оставаться нельзя – русские всех порежут. Чтобы немцы поверили приказу, Гитлер послал в одно село полицаев-власовцев, одетых в красноармейскую форму. Они всех в селе вырезали и после этого пошла пропаганда: «Вот русские чего делают!» Пустил свою жалобу по всему миру – нам об этом говорили сами немцы, - а сам миллионы людей сжёг. Вот чего фашист делал!

Подошли мы к Кенигсбергу. Бой очень сильный. Не хочет отступать немец, жалко ему терять Восточную Пруссию. Народ гибнет, беженцы. Дошли мы до моря Балтийского, 30 километров осталось до Кенигсберга. Заняли оборону. 136-й полк стали перебрасывать с левого фланга на правый, а тут проходил водоток. Один батальон прошел, второй, а третий остановился напротив нас, на поляне сделал привал: солдаты ружья в козлы и

закурили группами. Мы вдвоем пошли за водой к водотоку, нам обоим дали по две баклажки, и идем. А двое молодых солдат чуть в стороне стоят и один очень внимательно на меня смотрит и вдруг окликнул: "Дядя Андрей, вы, что ли? Или я ошибся?" Я ответил, он подбежал ко мне и начал целовать. Пять минут поговорили, но тут команда "подъем!", и он на прощанье сказал: "Если останешься живой, расскажи родным, как мы с тобой увиделись". И я ему то же самое наказал. Он побежал, а сам все оглядывается, руками машет. Это был паренек с Гор (горная часть Малой Сердобы), по-уличному – Задоров (?) Петр. У его отца было прозвище Дедок.

Ему (противнику) отрезал пути к отступлению Рокоссовский, а море занял наш флот. Он был окружён, но Гитлер приказал держаться, надеялся дать помощь. Наши самолеты над немцами разбрасывали листовки, предлагали сдаться. Бесполезно. Тогда наши открыли ураганный огонь со всех сторон и флот открыл артиллерийский огонь. У нас очень много было артиллерии всякого рода. Побили его (противника) очень много. Потом начались уличные бои. Кёнигсберг очень трудно было взять, это город-крепость. Мы заняли одну улицу, а в другую прошли – меня ранило в ухо и голову. Но осколок только кожу срезал, а в голову не прошел. Каска отлетела на метр. Чудеса! Доктора удивлялись: "Какой был удар, а в голову (осколок) не пошел. Ты, Шайкин, счастливый!" Я им отвечаю: "Меня Бог бережет". Они согласились: "Наверное, так оно и есть".

В 48 (8-й?) дивизии нас было трое земляков. С одним я виделся – с Петром, а Журлов Петр Михайлович служил в 135-м полку. Но до Кенигсберга он не дошел – ранило в ногу. После он мне рассказывал, что пролежал в госпитале три недели, а когда пришел в свой полк, товарищи сказали, что немцев прижали к морю, и там они сдались в плен, несколько тысяч.

Немного постояли у Кенигсберга и пришел приказ: 8-ю гвардейскую дивизию как одну из лучших, отличившихся в боях, направить брать Берлин. Погрузили нас в вагоны и на Берлин помогать Жукову и Коневу. Доехали до Вислы. Река большая, мост ненадежный, поэтому вагоны переправляли на тот берег порожними, а мы прошли по мосту пешком. Поехали дальше, но недолго: немцы разрушили железную дорогу, и мы шли пешими до Одера. Проходили лесом, который был весь искарлючен (искалечен, переломан. - Ред.). Здесь шли тяжелые бои. Заняли оборону на Одере. Тут нашу армию поделили: 4 дивизии отдали Коневу, 4 – Жукову. Конев брал Берлин с юга, Рокоссовский с севера, а Жуков в лоб, посередине. Фланги его поддерживали. Начала наша 47-я дивизия (правильно: 47-я армия) оборону

строить, не доходя до Одера. Лежим в окопах, в обороне, а разведчик кричит:

- Ребята, я вам сообщаю новость: Гитлер венчается.

Все засмеялись, а один красноармеец ввязался в разговор:

- А почему он вздумал венчаться? Мы скоро Берлин возьмем, а он венчается.

Разведчик отвечает:

- Потребовала мадам его Ева Браун, чтобы на тот свет идти законными супругами, а то они так, невенчанными трепались.

Красноармеец говорит:

- Это что же, наверное, думают сесть на том свете одесную Христа (по правую руку Христа). 70 миллионов побил, сжег живьем, старых, малых и пленных – всех подряд, и после этого хочет попасть в рай?

Через Одер-реку мы перебрались с большим боем. Много погибло в реке народу. Прошли от Одера километров 20, заняли оборону поближе к Берлину. Опять разведчик кричит:

- Ребята, есть новость: Гитлер смотался.

Мы спрашиваем: куда?

- В Агаринтину (Аргентину. - Ред.) на подводной лодке.

Вот такой был разговор. В Аргентине процветал фашизм, а в Германии оставались двойники Гитлера. Но допряма про это не знаю.

Началась подготовка к наступлению на Берлин. Нам говорили, что под Берлином собрано 4 миллиона наших войск. Но его не так просто было взять.

Началась артподготовка. Наверное, били по городу целые сутки, прожекторами ослепили весь Берлин. И вот пошла в атаку пехота с танками. Пошли уличные бои. Немцы сильно сопротивлялись, до последней крови дрались. Приходилось брать в плен даже 15-16-летних ребят и стариков 60-70-ти годов. Их мобилизовал Гитлер на защиту своей родины. Во время уличных боев никакого страха не чувствовали, сердца закаменели. Смерти не боялись, только тяжелого ранения, страшно – калекой станешь. К врагу только ненависть за его издевательство над нашим народом, только и стремишься его уничтожить. Не мы пошли на него, а он на нас пошел, хотел поработить. Мы ему отомстили, но мало, Америка не дала, а надо было всю Германию пройти. Мы всегда недовоёвываем. Надо бы так отомстить, чтобы он на нас никогда больше не ходил.

Мы прошли за Берлин 110 километров и тут война прекратилась. 28 апреля немцы требовали перемирия, а Жуков сказал: "Сдай оружие, капитулируй!" И вот они капитулировали, мы взяли их в плен. Наши солдаты проводили немцев на работу в

Россию. Войне конец. Проходит немного времени – 47-ю дивизию (армию? - Ред.) снимают с позиций и направляют в Чехословакию – там немецкая группировка никак не сдается, никак наши Прагу не возьмут. Но через день поступил приказ: отставить, группировка сдалась. Мы говорили: "Слава Богу! Остались живы!"

В большом военном городке, километрах в 6-ти от Берлина, мы находились до самой отправки домой 1 августа 1945 года. Мы занимались тем, что разбирали станки на заводах и отправляли в Россию. Я работал на стекольном, хрустальном заводе. Немцы были грузчиками. И это правильно: они у нас все разорили, все взорвали.

Как с товарищем вздумали походить по Берлину, посмотреть, как мы его изуродовали при наступлении. Тогда смотреть было некогда, следили за немцем, как бы его уничтожить. На одной из улиц видим разбросанные письма, карточки и картинки (открытки?). Нашим солдатам поздравления с праздником. Я одну поднял: Гитлера протащили (изобразили юмористически) корреспонденты. Товарищ, Михаил Васильевич из Москвы, постарше меня на год, собрал штук пять и сказал: "Понесем в роту, пусть товарищи посмеются". А на карточке был нарисован памятник Наполеону (могильный бюст?) на острове Святой Елены, а перед ним Гитлер на корточках. И говорит:

- Наполеон, я иду на Москву.

А тот отвечает:

- Я уже был, не ходи, лучше ложись со мной.

Принесли мы карточки в роту, некоторые красноармейцы смеялись, а другие ругали и Наполеона, и Гитлера:

- Вояки! Хотели Россию поработить навсегда, но не пришлось. Русский народ их самих на колени поставил.

Через немного времени мне пришлось беседовать с немцем-стариком, ученым, коммунистом, ему годов 55. Немец при Гитлере был в подполье. Старик нам рассказывал: "Когда на вас Гитлер собрался напасть, он собрал всех генералов, адмиралов и крепко (убежденно. - Ред.) сказал: "Я Россию возьму за месяц или полтора. Русских только сейчас и можно взять, у них очень мало оружия, а народ недоволен колхозами и воевать против Германии не будет".

Но вот по этому вопросу Гитлер ошибся. Если я на Сталина обиделся за то, что он нас загонял в колхоз принудительно, что же, я должен Родину сдать, идти в рабы и всё поколение отдать в порабощение? Сегодня Сталин, завтра Х-ярин, нынче Горбачев, завтра Лихачев, но Родину сдать и быть рабом – это невозможно, лучше помереть.

[Дальше немецкий коммунист рассказывал]:

- Один генерал сказал, что война с Россией будет длительной. Но Гитлер его выгнал: "Вы политику не знаете. Вильгельм пошел на Россию в 1914 году, (имея в союзниках) только Турцию и Австрию. А я забрал в свои руки 16 держав, и все они будут воевать на нашей стороне и готовить для Германии оружие и продовольствие".

Вот как он готовился, а Сталин глядел на подпись договора о ненападении и успокоился. У него Берия работал, враг народа. Он всех пересажал: высшее начальство и ученых, конструкторов.

Старик-немец рассказал, что партия нацистская зарождалась в секретной обстановке. В Германию приехали три американских миллионера, к ним подключились тоже три миллионера (немецких?), потом к ним примкнули английские и французские миллионеры. Американские миллионеры говорят: "Найдите нам такого человека, который бы разбил Россию и коммунизм за месяц или за два, а мы деньгами его обеспечим, сколько понадобится. Только вооружайтесь". Немцы американцам сказали: "Есть у нас такой человек – Гитлер". Вот он и готовился к войне на их деньги. Вот кто войну затеял и побил несколько миллионов. Если немецкий старик соврал, то и я вру. Но это наверное правильно: Гитлер подготовился очень сильно.

3 мая у меня разболелось сердце. Я не знал, куда деваться от тоски, глядеть ни на кого не хочу. Даже попросил ротного назначить меня в караул. Товарищ спрашивает:

- Ты почему такой невеселый? Все радуются, а ты печальный.

- Тоска на меня напала ужасная.

- Наверно, тебя убьют.

Каждый день убивали (хотя война и закончилась).

И вот пришло время возвращаться из Берлина на родину. Командир полка дал распоряжение: "1900-й год и старше поедут на лошадях. Найдите парные брички, чтобы в запасе было колесо, чтобы имелись отбой [для отбивания, заострения кос], коса, молоток, щипцы и брезент. На бричку даю по две лошади. Поход будет дальний – 1200 километров".

Мы выехали 10 августа 1945 года. Мне и еще двоим товарищам на трех бричках пришлось везти артиллеристов. Проехали немецкую землю, оказались в Польше. Тут у нас бендеровцы одну роту отравили. Солдаты попили из колодца и отравились. Некоторых отходили, лечили сывороткой, а многие поумирали. Командование отдало приказ у всех колодцев поставить часовых. На один полк не из нашей, соседней дивизии ночью напали бендеровцы. В бой вступила вся бригада – три полка, и банду бендеровцев разбили.

Нашу часть разместили на краю леса около Слуцка, у

границы. Построили казармы, вырыли землянки. Пока мы этим занимались, нам приказали сдать лошадей в колхоз. И вот на выгоне я жду председателя, чтобы сдать ему лошадей и брички. Лошади ходили по лугу, а я пошел посмотреть местность. Смотрю, стоят столбы горелые вдоль водотока, пониже – землянка. Замечаю, что тут, видно, село стояло. Из землянки выходит дедушка, отвечает мне:

- Да, было небольшое сёлышко, 35 домов.

- Кто же его сжёг?

- Немцы проклятые.

- По какой причине?

- Сказали, что мы связаны с партизанами. Загнали всех людей в один коровник, облили горючим и сожгли. Все сожгли – и малых и старых.

- А ты как же остался жив?

- Я в это время в лес ходил срезать черенки для грабель.

- И как же ты теперь живёшь?

- Как живу… Вот выйду из землянки, погляжу на село, наплачусь и опять в землянку. У меня сгорели жена, сноха, к нее двое детей и девчонка от сына была, мать ее умерла, – все сгорели. Похолодает – уеду к дочери, она в 25 километрах живет. А сына убили на войне.

Даже слушать невозможно, как немец издевался над народом.

***

В кадровой службе оставили молодых, старых демобилизовали. Обмундирование дали всем новое и гостинцы домой: 10 килограммов сахару, 10 килограммов муки высшего сорта, 10 метров материала (ткани) и сухой паек на дорогу: консервы, сухари, хлеб. Подогнали вагоны, хорошо оборудованные нарами, обрядили поезд сосновым ветками, разноцветными лентами, был митинг, выступил командир дивизии. Играл оркестр, под музыку мы поехали домой. Поезд шел от Бреста до Владивостока.

Проезжали мы Воронежскую область, на станции организовали обед в столовой. А к поезду идут и идут люди – голодные, чуть живые, старики, старухи, ребятишки. Волосы поднимаются от ужаса, очень жалко их. Все просят хлеба, что-нибудь поесть: "Дорогие наши солдаты…" Ребятишки называют нас "дяденьками-солдатами". Никогда я не видел такого ужаса. Все стали им раздавать, что у кого есть. У меня было килограммов 8 сухарей, три буханки хлеба, консервы – всё отдал,

ничего не жалко. Нас-то кормили в столовых на станциях. Нас покормят, а дети в столовой куски собирают. Супу побольше нальешь, каши наложишь, всё им раздашь. Дети и встречали нас у столовой. Все это я видел на Украине, где был голод от неурожая, засухи.

Приехали Лиски, слезли с поезда донцы, кубанцы, кавказцы. С Лисков на Пензу. 10 сентября 1945 года я сошел на станции Колышлей, тут встретил еще одного красноармейца. Он оказался артиллеристом, призывался из совхоза "Пятилетка". Он пошел к родным, которые жили в Колышлее, а я остался на станции ждать какую-нибудь подводу до Малой Сердобы. Положил свои мешки. Подходят 5 молодых ребят, земляков. Им ехать в Пензу на комиссию. Они меня сразу узнали, а я узнал только одного, Николая Ивановича Стрельникова. Поздоровались, он говорит: "Хорошо, что вы остались живеньки. Семья тебя очень ждет. Одно плохо, дядя Андрей: твоя жена Ганя умерла". Я чуть устоял на ногах. Потом спросил: "Когда это случилось?" Он ответил: "1 мая, а 3 мая были похороны". Тут я и вспомнил, какая тоска на меня напала 3 мая в Берлине. Вот чудеса: 3 тысячи километров до Берлина, а у меня сердце чуяло. В то время, когда стояли в Восточной Пруссии, мои письма до Малой Сердобы доходили, а ко мне – нет. Поэтому я ничего не знал про Ганю.

Я приказал одному старику со старухой посмотреть за моими вещами, а сам пошел по Колышлею искать попутную машину или подводу. У почты стояла лошадь, на фуре сложены посылки, а из почты выходит мой сосед. Иван Иванович Манышев.

- Здорово, Андрей Васильевич! Живенький пришел?»

- Как видишь. Ваня, я уеду с тобой?

- Обязательно.

Я помог ему посылки перетаскать, поехали к станции, положили на фуру мои мешки и отправились в путь. Все переговорили, пока ехали до Марьевки. Тут мне встретился Николай Митров (?), он тут был председателем колхоза. Увидал меня, кинулся целовать: "Поехали ко мне в гости. Я очень рад, что ты остался живой". Вместе с Иваном Манышевым поехали к нему на квартиру. Нас встретила Нюра, жена Николая, начала яичницу жарить, поставила пол-литра водки. Начали выпивать и закусывать в честь моего приезда. Погостили, поблагодарили их, Николай пошел в мастерскую, а мы поехали в Сердобу.

Подъехали к Сердобе, встали на бугре, гляжу я на село и не узнаю. Постройки, как в зимовье. Я бывал в больших городах, везде постройки хорошие, а тут плохие. Поглядел на свое позьмо: до войны было 200 яблонь, а сейчас чистое поле, все погибли в 1941 году, померзли. Иван довез сначала меня до моего дома,

потом поехал на почту разгружаться. И вот вижу родительский дом, где я не был 4 года. Первой меня встретила младшая дочь Клавдя, она училась в 8-м классе. Обратались (обнялись), прибежали с работы еще две дочери – Паша и Маруся, плакали, очень было грустно. Они намучались одни без матери. Потом я их стал утешать: «Хватит плакать, этим горю не поможешь, мать не воскресишь, только себя убьём. Давайте крепиться. Буду я вам теперь и за отца, и за мать, никогда вас не оставлю, буду всем помогать». Так оно и было, до самой моей глубокой старости.

В это время старшая моя дочь Таня хлопотала в Пензе, чтобы ей не возвращаться в свою часть, из которой она была отпущена на похороны матери. И охлопотала, ее демобилизовали.

Паша и Маруся ко времени моего возвращения из Германии окончили школу и 1 августа поступили на работу, Маруся в райфо (финансовый отдел райисполкома), Паша в школу секретарем канцелярии.

25 сентября мне принесли денежный налог и налог на мясо, молоко, шерсть. Председателем сельсовета работала Зубанова Агафья Федоровна, партейная. Прихожу в сельсовет, говорю:

- Почему меня обложили налогом? Я только что пришел с войны, не работаю, две дочери месяц как поступили на работу со школьной скамьи.

- Они у тебя работают, поэтому налог заплатишь. А не заплатишь – последнюю корову отберем.

И щерится. Ей, глупой, ничего не докажешь. Пришел я домой и написал жалобу в Пензу. Через десять дней приходит из Пензы извещение, что налогом меня обложили неправильно. Я опять в сельсовет, спрашиваю у Агафьи Федоровны, пришло ли в сельсовет из Пензы указание о снятии с меня налога. Им тоже прислали. И я ей сказал: «Видишь, неправильно ты обложила, в Пензе люди поумнее тебя и сняли налог». Она аж ощетинилась, так бы и съела меня. Но нельзя, я фронтовик. В прошлом она всех раскулачивала, а в войну замучила моих девчат: гонялась за ними, хотела отправить их в ФЗУ (школу фабрично-заводского обучения в Пензе).

Вскоре заведующий райфо Ключников удержал с дочери Маруси 100 рублей. Я пошел к нему узнать, в чем дело. Он говорит:

- Тебя обложил налогом сельсовет, ты не заплатил, вот с Маруси и удержали с зарплаты в уплату налога».

- Это глупый человек обложил налогом, а ты умный.

Он было обрадовался моей похвале, но я показал ему бумагу об отмене налога, а он говорит:

- Ну, пускай на будущий год пойдет вычет из марусиной

зарплаты.

- Вы хотите с меня всю шкуру содрать. Я и на тебя напишу жалобу, на умного человека.

Он мне сразу и отдал 100 рублей.

Вот как относилась к фронтовикам местная власть.

Стали у меня просватывать девчат. В 1945 году осенью просватали большуху Таню за Казачкова Ивана Тимофеевича в Синодскую Саполгу. За ней просватали Пашу за Несудимова Александра Сергеевича, он увез ее в Одессу, где служил офицером в армии. Через немного времени Марусю просватал Забелин Алексей Алексеевич и увез ее в Монголию. После войны он там служил в кадровых офицерах. Осталась у меня одна дочь Клавдя.

И вот я перехожу на крестьянскую работу. 4 года воевал, теперь буду работать по хлебопашеству. В 1946 году я работал в колхозе плотником, возил корма, косил сено. Косили в Сидоркиной луке, у речки. Звеньями в десять кос. Ряды были длинные. Как-то сели отдохнуть, мужики закурили. Я не курил сроду. Смотрим, едет конюх правленский Константин Никитич, еще он убирался за жеребятами. Привязал к фуре жеребца, дал ему сена и напрямую к нам, косцам. Подает мне записку от председателя колхоза Гнедина. В ней написано: "Андрею Васильевичу Шайкину. Сейчас же приезжай в правление колхоза, срочно нужен". Положили мы на подводу травы, сели на нее и поехали. Я слез у моей избы, переоделся и пошел в правление колхоза. Поздоровкался с председателем Гнединым. Он мне говорит:

- Шайкин, мы тебя назначили весовщиком на главном току.

- Без меня меня женили. Не буду я работать на току.

- Как хочешь, только тебя назначил не я, а правление колхоза и хлеб с поля уже везут, колод десять ссыпали.

Я отказался и ушел домой. Отец спрашивает:

- Чего тебя вызывали?

- Назначили весовщиком на главный ток, а я отказался.

- Почему отказался? Надо работать, раз назначили. Значит, ты стоишь (достоин) этого. Ведь никого другого не назначили. Значит, иди и работай честно. Ты что, хочешь опять на меня детей оставить? Я с ними мучился 4 года. Тебя посадить могут за отказ.

- За что же меня посадят? Я хлеб еще не принимал.

Через пять минут отец опять бежит:

- Ты еще не ушел? Иди и работай!

Проходит еще пять минут, он опять прибежал:

- Еще не ушел? Иди работай!

И еще несколько раз прибегал: донял! И дочь Клавдя уже говорит:

- Папа, иди принимать хлеб, он ведь тебя доймёт.

Отец не спал всю ночь, всё за меня боялся, что посадят. Так я и пошел работать весовщиком. Гнедину сказал:

- Отец прогнал. Донял: иди, говорит, и работай честно.

Он засмеялся:

- Так тебе и надо.

Дело на току у меня шло хорошо. Особенно много работы было в 1948 году, когда приходилось сушить хлеб. К тому же он был очень сорным. Зерно везли мокрое, как жвачка. Из-за непогоды комбайны косили напрямую (не в рядки), поэтому зерно было сырое. Для сушки мы рассыпали его на току тонким слоем, то и дело переворачивали, осот снимали метлами. Так мы сушили хлеб и сдавали его государству чистым. В других колхозах дело шло плохо, у них не было больших токов, где только и можно было хорошо просушивать зерно. Поэтому при сушке они рассыпали зерно толстым слоем, больше чем в четверть, и оно горело, прело и становилось негодным. Это было, конечно, еще из-за нерадивости заведующих токами: зерно преет, а они посиживают в холодке.

Петраков (первый секретарь райкома партии) задумал провести на нашем току семинар, чтобы всех поучить, как надо обращаться с хлебом. День был хороший, солнечный, хлеба мы рассыпали много, тонким слоем. Часов в 8 утра Петраков заехал на ток, поглядел, ничего не сказал и уехал. Часов в 10 приходит председатель соседнего саполговского колхоза Бочкарев Петр Герасимович. Я в это время ворочал деревянной лопатой зерно.

- Здорово, Шайкин! Сейчас у тебя Петраков соберет районный семинар., велел всем председателя сюда съезжаться.

- Вот и хорошо, - говорю я. – Поучимся друг у друга.

Съехались председатели, заведующие токами, весовщики на наш ток и Петраков с ними. Смотрят, как мы работаем. Знакомый мне весовщик из Старого Славкина Самылкин спрашивает, как мы сумели получить из сорного хлеба такой чистый. Я отвечаю:

- Тут грамоты большой не требуется, ни геометрии, ни математики. Во-первых, нужен большой ток. Почему ты большой ток не сделал, может, земли не хватает? Я могу дать тебе землю в Орешкином углу.

Все участники семинара смеются. Я продолжаю:

- Второй вопрос: почему ты веешь веялками сырой хлеб? Он же не провеется. А мы рассыпаем его по току, осот немного подсохнет и перья у него поднимутся наверх. Тут бабы берут метлы и сметают траву. Снова ворошим и снова снимаем траву.

Три раза пройдем, и хлеб станет сухим и чистым. Ворочаем и лопатами, и ногами, разувшись, и ночью, и днем, и я вместе с бабами. Вот оттого хлеб и чистый. Тут подходит ко мне завхоз из Старого Славкино и говорит: «Гляжу я на тебя, Шайкин. Ты все время на току, днем и ночью, а нашего весовщика на току почти и не видно. Сидит в землянке и два помощникам с ним».

Тут Петраков дает команду, приглашает всех к столу собрание проводить, подзывает меня и тихо говорит:

- Ты знаешь, кто с тобой разговаривал?

- Не знаю имени, но он завхоз.

- Он прохиндей. Вырыл у тока землянку, дал весовщику два помощника. Один вино носит, другой караулит, чтобы врасплох не застали, пока они с весовщиком вино пьют. И ты расскажи на собрании, как надо дело вести. Выступать будешь первым, Граблин (председатель райисполкома) – второй, а я буду завершать.

Все уселись на скамьи, мне первому дали слово. Я стал говорить:

- Я беседовал с Самылкиным, вы смеялись, а теперь хочу поговорить с завхозом из Старого Славкино. Почему ты ток большой не сделаешь? Это дело только от тебя зависит. Или тебе некогда? Ты землянку вырыл, залез в нее и не высовываешься, как крот. Сам выпиваешь и Самылкина от работы отрываешь. И два помощника назначил: один бегает за вином, другой караулит. Когда же вам заниматься делами? Когда расчищать ток и заниматься зерном? Вы и не думаете, чтобы поскорее сдать хлеб государству.

Дали слово Граблину:

- Товарищи, мне непонятно, что это за начальство, которое гуляет и руководит из землянки? А хлеб киснет, гниет. Надо такое начальство освобождать от работы. Погодные условия у всех одинаковые, но Шайкин скоро выполнит план сдачи зерна государству, а вы все раскачиваетесь.

Выступил Петраков:

- Вы все видели, как надо работать с хлебом на току. Езжайте домой и, во-первых, расчистите большие тока. Срок – до завтра. Вы видели, как Шайкин работает с хлебом, так должны работать все. Завтра по всем токам проедет комиссия, поедут Шайкин, Граблин, Жуков и я. Если кто не сделает того, что вы здесь увидели, пеняйте на себя и тогда не обижайтесь. А тебя, Самылкин, если завтра найду в землянке, выпорю прутом.

- Нет-нет, я буду снаружи, - ответил Самылкин.

Наутро поехали с проверкой. Начали с Самылкина. А его уже выгнали из завхозов, он даже успел уехать на родину: побоялся –

посадят. Весовщиком назначили тоже нового человека, постарше меня на 2 года, строгого. Он уже вовсю гонял работников тока, расчищали большую площадку для сушки зерна. А нам он сказал:

- Назначили дураов, они и гноили хлеб. А завхоз проходимец, ему бы только с бабами возжаться. Если будет вёдро, я за неделю выполню план сдачи хлеба государству.

На других токах тоже большие площадки расчистили, и пошла хлебозаготовка. Семинар помог.

Еще один случай не могу забыть. Года через два после этого семинара выдался очень хороший урожай, ток просто завалили хлебом, мы не успевали его обрабатывать. И вдруг пошел сильный дождь. Хлеб загорелся. Сунешь руку – горячий, как огонь. И сильно засорен осотом и другой разной сорной травой. Своими силами не справляемся. Я пошел в правление колхоза, председателем был Корсаков Василий Алексеевич, полеводом – Слепов Василий Иванович. Оба партейные. Они проводили совещание с трактористами и бригадирами. Докладываю председателю:

- Хлеб загорелся, горяч, как огонь. Что делать будем?

- Ну, что мы можем сделать? Не мы виноваты – погода, каждый день дождь.

- А я предлагаю такой выход из положения, - говорю ему. – У нас на току пустуют 4 риги. Давай колхозников, разделим их на 4 бригады, чтобы они быстро перетаскали зерно каждая в свою ригу и рассыпали валами, а пятая бригада будет лопатить и охлаждать на ветру, веять.

Корсаков мне говорит:

- А если завтра будет вёдро – обратно будем зерно выносить?

Я отвечаю:

- На току грязь по колено, неделю не влезешь.

Он не соглашается. Тогда я говорю:

- Как хочешь. А я отвечать за гибель хлеба не хочу. Пойду к прокурору и скажу: я предложил выход из положения, а председатель не соглашается. Поэтому снимите с меня ответственность за сохранность хлеба, пусть он отвечает.

Слепов как вскочит:

- Таскать! Немедленно! – И председатель тут же согласился.

- Вот и хорошо! – говорю.

Собрали больше 100 колхозников, перетаскали весь хлеб часа за четыре в пустые риги, рассыпали в валы. Стали обрабатывать хлеб, лопатить, охлаждать. По две веялки поставили в каждой риге. Веем и лопатим, веем и лопатим. Дня через два я отлучился домой на обед, а Елена осталась за меня. Прихожу с обеда, она рассказывает:

- Когда вы ушли на обед, заехал секретарь райкома Петраков и спрашивает: "А где хлеб?" Я отвечаю: "Два дня назад перетаскали в риги. И сейчас в ригах работают человек 80". Он не поверил, заглянул в риги, ничего не сказал и быстро уехал.

Потом мне рассказали, что Петраков от нас поехал на Горы в колхоз "Смычка", там председателем был Максим Игонин. Подошел к весовщику и спрашивает: "Хлеб горит?" - "Горит, Василий Романович!" А весовщик там был хороший, хозяйственный. "Что думаешь делать?" - спросил его Петраков. – «Думаю, перетаскать в риги, у нас три риги пустые, а председатель не соглашается, людей не дает. Говорит: «Вдруг завтра вёдро, придется назад вытаскивать». Велел Петраков найти председателя. Тот явился, и секретарь спрашивает: «Почему не таскаешь хлеб в риги?» Тот отвечает: «А вдруг завтра посвежеет погода». Петраков: «Так ведь на ток все равно еще неделю не влезешь. Сходи в Шайкину, своему соседу, у него уже третий день как весь хлеб в ригах, остужён, и он вовсю его веет. Почему он не дожидается команды, а сам принимает решение. Сейчас же организуйте эту работу, вечером приеду – проверю».

Поехал Петраков по всем колхозам района, всех на ноги поднял, всех заставил хлеб в риги перетаскать. А все из-за меня. Наверное, меня ругали многие весовщики за то, что прибавил им хлопот.

В 1960 году мне исполнилось 60 лет. Стал я оформляться на пенсию, доложил об этом председателю колхоза. Тот передал распоряжение председателю комиссии Барановой. Она собрала комиссию – двоих женщин из бухгалтерии и двоих мужчин, один из них Бочкарев Василий Ермолаевич. Баранова мне говорит:

- Андрей Васильевич, наши колхозные архивы мыши съели. Шкаф стоял в амбаре, а в нем был хлеб.

Отвечаю ей:

- Я знаю, что архив съеден мышами, но кто додумался туда поставить архив? Такое может произойти только в колхозе, где никому ни до чего нет дела. – Потом говорю: - Ладно, у меня есть колхозные трудовые книжки, я не сдал их учетчику и сохранил – с 1955 по 1960 годы. На, пожалуйста, бери, в хороших руках ничего не пропадает.

Взяла она книжки, полистала и говорит:

- В книжках отмечены только трудодни.

- Так переведи трудодни на деньги.

- Нельзя, - говорит.

Обманули меня и начислили пенсии всего 12 рублей. Тогда всем одинаково начисляли: и кто хорошо работал, и кто плохо. Круговая порука. С 1930 года никому не платили деньгами,

запишут трудодни, выдадут на один трудодень 200 граммов плохого хлеба – как хочешь, так и кормись. Спасало собственное позьмо. Сеяли картошку, просо, рожь. У меня позьма было 45 соток, как и у всех. Держали корову – молоко очень выручало. Вот мы и остались живы. Я проработал в колхозе 45 годов, никуда из него не уходил. Хотя приглашали завхозом в больницу, даже предлагали охлопотать меня через райком. Но я отказался. И в сельпо приглашали завхозом, но я и туда не пошел. И вот за свою преданность колхозу я получил 12 рублей пенсии. Такую пенсию я получал 9 годов. Потом пенсию стали давать 18 рублей – ее получал 8 годов. 28 рублей я получал 6 годов. Мы колхозники, а колхозникам не хотели платить хороших пенсий. Такая была система.

Но в 1983 году секретарем ЦК КПСС стал Андропов. Вот он и обратил внимание на забытых государством людей и дал указ: кто участвовал в революции и гражданской войне должны получать персональную пенсию и льготы – 50 процентов за дрова и уголь и каждый год можно ездить на курорт. А кто не поедет на курорт, компенсировать выдачей на руки 100 рублей. Тогда мне назначила районная комиссия пенсию 55 рублей. В это председателем райисполкома был Стёпин. Дали 55 рублей и другому участнику гражданской войны Кривоножкину Петру Степановичу. Нас в районе осталось 6 участников гражданской войны: Зуйкову начислили 80 рублей, Стрельникову – 82, Коновалову – 85. Мельников, пока ему оформляли пенсию, умер. Но они были служащими, поэтому получали пенсию больше, чем мы, колхозники. Еще был Бурлаков из Марьевки. К этому дню они все померли, из участников гражданской войны в районе остался я один. И добром вспоминаю Андропова. Он говорил: «Давно надо было прибавить пенсии участникам революции и гражданской войны. Они отстояли Советскую власть, выгнали врага и защитили молодую Советскую власть народа. Но мы забываем от них, а их осталось очень мало».

Андропов был очень хороший, дисциплинистый, дальновидный, понимал людей. Но работать ему пришлось недолго… Большое ему спасибо от ветеранов гражданской войны и от меня лично,

Шайкина Андрея Васильевича.